

Александр Афанасьев

Славянские колдуны и их свита

Александр Николаевич Афанасьев

Славянские колдуны и их свита

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=292802

Афанасьев А.Н. Славянские колдуны и их свита: РИПОЛ классик;

Москва; 2009

ISBN 978-5-386-01590-9

Аннотация

Изучая и собирая достоверные этнографические источники, известный исследователь славянского фольклора А. Н. Афанасьев знакомит нас с колдовскими поверьями славян, сверхъестественными способностями колдунов и ведьм, которые пользовались в древности заслуженной славой и авторитетом, как среди простых крестьян, так и правителей. Вы узнаете о таинственных и загадочных существах природы, с которыми общались волхвы и ворожеи для помощи в сохранении урожая, при губительных эпидемиях, а также для помощи в бытовых нуждах простым людям.

Содержание

Введение	4
Нечистая и смертная сила в верованиях наших предков	7
Конец ознакомительного фрагмента.	125

А. Н. Афанасьев

Славянские

КОЛДУНЫ И ИХ СВИТА

Введение

Издревле в народной мифологии славянских и арийских племен нашли отражение как явления могущественных и загадочных сил природы, так и их представителей на земле – колдунов, жрецов, волшебников всех мастей и видов. Несмотря на насаждаемую христианскую мифологию, в народных массах и аристократии долгое время были популярны обряды, поверья и обычаи седой языческой старины.

Собранные выдающимся фольклористом Александром Николаевичем Афанасьевым (1826–1871) документальные свидетельства и изустные предания о мистических поверьях тех далеких лет проясняют многое о загадочных и таинственных колдунах и волхвах прошедших времен.

В данной книге приводятся описания тех божеств и мифических героев, которым народное предание назначило представлять грозные и смертные силы. Древние языческие верования и представления славян о темных силах природы значительно отличаются от традиционной классической демо-

нологии, возникшей в Средние века на основе каббалистической философии. Загадочные и страшные существа народных мифов и легенд нашли свое место в повседневной жизни наших далеких арийских предков – месяцы года, явления природы, темные силы зимы и болезней.

Пытаясь договориться, а то и управлять могущественными и грозными силами природы, наши славянские и арийские предки разрабатывали и передавали из поколения в поколение различные колдовские обряды и методы. Чудесные и другие паранормальные способности в древности проявлялись различными способами: оборотничество, заклинание стихий природы и обряды на плодородие, установление равновесия с вредоносными силами природы, искусство плетения науз, различные предсказательные техники и пророчества.

Также в книге указаны факты, иллюстрирующие отношение общества тех далеких времен к людям, владеющим и использующим свои паранормальные и колдовские способности, – от почитания и уважения до преследования и безотчетного страха. По дошедшим до нас историческим сведениям, становится ясной важная и ключевая роль волхвов, вещих людей и колдунов всех мастей в различных общественных и политических событиях тех лет. Иногда во время эпидемий и политических интриг обладатели волшебных и необычных способностей и знаний подвергались необоснованным репрессиям, которые в католическом мире носили

характер массового геноцида, проводимого инквизицией.

Нечистая и смертная сила в верованиях наших предков

Древнейшие представления о боге-громовнике носят двойственный характер: являясь, с одной стороны, божеством светлым, разителем демонов, творцом мира и подателем плодородия и всяких благ, он, с другой стороны, есть бог лукавый, злобный, приемлющий на себя демонический тип. Эта двойственность в воззрениях первобытных племен возникла под влиянием тех естественных свойств, с которыми выступает гроза, то оплодотворяющая землю, разгоняющая мрачные облака и вредные испарения, то посылающая град и бурные вихри, опустошающая поля, леса и нивы и карающая смертных молниями. Шествуя в тучах, громовник усваивает себе и их великанские признаки и, согласно с представлением туч темными подземельями, становится богом подземного (адского) царства. Чтобы обозначить эти различные, одна другой противоположные стороны в характере громовника, народ давал ему и соответственные им прозвания, которые впоследствии перешли в имена собственные, обособились и разъединили единое божество на две враждебные личности: рядом с небесным Зевсом является другой, владычествующий не на небе, а под землю — Ζεὺς χатаχώνιος, Jupiter

niger, то есть Плутон, царь того света и усопших¹; возле благого, плодородящего Тора – лукавый Локи.

Этот последний вполне соответствует Гефесту (Вулкану), богу подземного огня, искусному ковачу молниеносных стрел, о котором греческий миф рассказывает, что раздраженный Зевс схватил его за ногу и стремительно низвергнул с высокого Олимпа на землю и что вследствие этого падения Гефест повредил ногу и навсегда остался хромым. Локи, хотя и числится в обществе асов и признается их товарищем, тем не менее есть существо коварное, обманчивое, состоящее в самом близком родстве с демоническими силами²; низвергнутый с неба и окованный цепями, он потрясает землю; подобно Гефесту, он хром и также клеймит богов злыми насмешками. Хромоту соединяет древнее сказание и с славным кузнецом Völundr'ом³. Быстрота молний заставила сближать их не только с летучими, окрыленными стрелами, но и с ногами, как необходимыми орудиями движения, резвого бега.

---

¹ Точно так же Персефона есть подземная Гера – Juno inferna. – Griech. Myth. Преллера; D. Myth., 945.

² Я. Гримм допускает тождественность между богом Loki и великаном Logi (naturkraft des feuers, от liuhan – lucere), сыном Формиотра (forniotr, der alte iotr, iötnn).

³ D. Myth., 220—1 («Zumal vorstechend ist die analogie, dass Hefast durch Zeus vom Olymp herabgesturzt wird, wie der böse feind durch gott aus dem himmel in die holle, obgleich die Edda von Loki weder einen solchen sturz berichtet, noch ihn als kunstlichen schmied und meister der zwerge darstellt») 351; Симпок, 113—5.

Отсюда объясняется, почему русский сказочный эпос изображает героев – представителей весенних гроз с ногами по колено в золоте, почему греки давали своим богиням эпитеты серебро– и златоногих, почему, наконец, подвижная избушка ведьмы (ходячее облако) стоит и поворачивается на курьих ножках, т. е. на ногах петуха (кура), имя которого доныне употребляется в значении огня. Богатырские кони и козлы Тора, ударяя своими копытами по облачным скалам, высекали из них молниеносные искры и открывали путь дождевым источникам. Так как молния падает с воздушных высот изломанной, искривленной линией⁴, то полет ее фантазия стала сравнивать с шатким, нетвердым бегом хромого человека или животного; а громовому удару стала приписывать отшибание пят или повреждение ноги у героя громовника, когда он является в облачные подземелья добывать оттуда золото солнечных лучей и живую воду дождя.

Такой удар наносят ему тяжелые двери демонских кладовых или железные врата адовы; под дверью здесь разумеется то отверстие, какое прорубает в темных тучах Перунова палица. Когда заблестит молния, чехи говорят, что это Бог отворяет в небесном чертоге дверь или окно и что в ту минуту поют там хоры ангелов, т. е. слышится грозовая песня⁵. Зевсу в битве его с Тифоном были подрезаны на ногах жилы; по свидетельству индийского мифа, Кришна, славный

---

⁴ Римляне чтили Марса под образом кривого меча – *hasta curva*.

⁵ Пов. и пред., 153—5; Громанн, 36—37.

победитель дракона, был ранен в подошву, откуда объясняется и греческое предание об ахиллесовой пяте; наши сказочные герои иначе не могут освободиться из подземного мира, как отрезав свои икры и скормив их дракону или вихрю-птице, на крыльях которых вылетают они на белый свет. То же увечье испытывают и мифические животные, в которых издревле олицетворялись грозовые тучи. Так, козел Тора охромел, потому что у него была разбита кость задней ноги; а конь Бальдура вывихнул ногу в то самое время, как этот бог сопровождал Одина в его бурном поезде. По указанию русской сказки, когда царевич доставал живую воду, толкучие горы (тучи) отшибли его богатырскому коню задние ноги. Падение молнии на метафорическом языке обозначалось утратою того члена, какому уподоблялась она в данном случае: бог-громовержец или демон-туча терял свой золотой волос, зуб, палец, фаллюс, перо из своих крыльев или ногу. Звери, в образе которых народные предания живописуют грозовые явления (собака, заяц и др.), весьма часто представляются треногими; немецкие саги заставляют дикого охотника, ездить на треногом коне⁶ и бросать с высоты воздушных пространств заднюю ногу оленя или коня, которая потом превращается в золото.

Взирая на извив молнии как на тот не прямой путь, которым шествует бог-громовник, древний человек, под непосредственным воздействием языка, связал с этим представ-

---

⁶ Der Ursprung der Myth., 140—1, 224—8; Beitrage zur D. Myth.

лением понятия коварства и злобной хитрости. В эпоху незапамятной, доисторической старины ни одно нравственное, духовное понятие не могло быть иначе выражено, как чрез посредство материальных уподоблений. Поэтому кривизна служила для обозначения всякой неправды, той кривой дороги, какою идет человек недобрый, увертливый, не соблюдающий справедливости; до сих пор обойти кого-нибудь употребляется в смысле: обмануть, обольстить. Лукавый – хитрый, злобный, буквально означает: согнутый, искривленный, от слова лук – согнутая дуга, с которой и смертные и сам Перун бросают свои стрелы; лукать – бросать, кидать, излучина, лукоморье – изгиб морского берега; сравни: кривой, кривда и криводушный; во всех кельтских наречиях *kam* – кривой, в кимр. – худой, злой, а в ирланд – сильный, могучий, кимр. *kamui*, армор. *kamta* – натягивать лук⁷. Напротив, с понятием правды соединяется представление о прямоте душевной; прямить – говорить правду (напрямки, впрямь), прямой человек – честный, неподкупный, идущий прямым путем.

Лукавство и хитрость считались у грубых первобытных племен существенными признаками ума, мудростью; другие выражения сближают ум с быстротою – понятием, неразлучным со всеми представлениями стихийных духов: владим. – достремиться (стремный, стреадый – скорый, проворный) – догадаться, достремливый – то же, что дошлый: смышле-

---

⁷ Галлы, соч. Георгиевского, 126.

ный, догадливый, буквально: добегающий, достающий до цели; перм. угонка – сметливость, догадка; с тем же значением употребляется и слово дамёт («не в дамёт» = невдомек, от до метнуть). Серб. хитар, тождественное с нашим хитрый, значит быстрый, хорут. hiteti – спешить, старослав. хы(и)тити – схватить, поймать; сравни чеш. chwatať, новгор. и твер. хвататься – торопиться, серб. дофатити (дохитити) – достигнуть и рус. хват – молодец; хапать – схватывать и олон. хапистый – молодцеватый. Следовательно, хитрый первоначально могло означать то же, что и прилагательное ловкий, т. е. тот, который удачно, скоро ловит, а затем уже – умный. Приведенный ряд слов переносит нас в те отдаленные времена охотничьего быта, когда меткость стрелы, быстрота в преследовании дичи были главными достоинствами мужчины, ручательством за его ум⁸. Наряду с словом «лукавый», которое сделалось нарицательным именем черта (у немцев: der böse, feindliche, unholde, у Отцов Церкви: antiquus hostis⁹), хитник также служит для обозначения нечистого духа как коварного обольстителя и в то же время похитителя небесного света и дождей, а впоследствии – похитителя душ христианских; сравни: вор и проворный.

Под влиянием указанных воззрений и языка бог разящих молний переходит в хромонового демона, и доньше у разных народов продолжают давать этот эпитет дьяволу: der

---

⁸ Потебня, 62—66.

⁹ D. Myth., 940—2.

hinkende teufel, lahmer teufel, hinkenbein, diable boiteux¹⁰, хро-
мой бес, хромой черт¹¹; в Воронежской и других губерни-
ях нечистого называют «Антип беспятая»¹²; чехи поминают
kulhavèho, čerta и kulhavè hromy¹³. В народных сказках черт
нередко является искусным кузнецом, с чем как нельзя бо-
лее гармонируют и его черный вид, и его пребывание в по-
крытых сажею и горящих адским пламенем пещерах; в са-
мый короткий срок он может перековать в гвозди огром-
ное количество железа; в Германии думают, что, ударяя куз-
нечным молотом в полночь, можно вызвать нечистого ду-
ха¹⁴. Падающие с облачного неба, молниеносные духи (чеш.
Světlonosi, то есть эльфы¹⁵) в эпоху христианства смешались
с теми некогда светлыми ангелами, которые за свою гордость
и высокоумие были низринуты, по библейскому сказанию,
во мрак преисподней¹⁶. Я. Гримм относит название Loki к
корню lukan (claudere – запирать, claudus – хромой); сканд
lokfi nis, consummatio, loka – запор, засов у дверей: свиде-

---

¹⁰ D. Myth., 352, 945.

¹¹ Архив ист.-юр. свед., II, полов. 2, 152 – народная поговорка: «Черт хром, да с рожками»; Н. Р. Лег., 20.

¹² Ворон. Г. В. 1850, 29.

¹³ Гануш о Деде-Всеведе, 28, 37.

¹⁴ Beitrage zur D. Myth., 11, 313.

¹⁵ Громанн, 20: svetlonosi собираются на лугах и полях, танцуют, сбивают пут-
ников с дороги и бросаются им на спину; можно накликал их свистом.

¹⁶ Люцифер, владыка ада, по самому значению его имени был первоначально
светлым духом. – D. Myth., 937.

тельство языка – в высшей степени любопытное и знаменательное, так как молния исстари уподоблялась ключу, отпирающему весною дождевые источники и замыкающему их на все время холодной зимы; «замкнутое небо», то есть небо, не посылающее дождей. В качестве демона Локи замыкает облака, налагает на них крепкие запоры, задерживает небесные воды и производит неурожаи.

В противоположность Тору, покровителю земледелия и произрастителю хлебных злаков, он засеивает поля сорными травами; в Норд-Ютланде вредная для скота трава называется *Lokkens havre* – подобно тому, как на Руси осот считается чертовым зельем: «*nu saaer Lokken sin havre*» (теперь Локи сеет свою траву). В Средние века черта представляли под символом молота, засова и запора. В шведской песне о *Torkar'e* черт, похитивший молот, назван *trolltram*, от сканд. *trami*, *tremill*, др.-нем. *dremil* – засов у дверей¹⁷. Седьмой день, посвященный италийцами Сатурну (*dies Saturni*), у германских племен называется: *Soeteresdäg*, *Soeternesdäg*, *Saturday*, *Saterdei*, *Satersdag*; англосакс. *soetere* – *insidiator*, скрывающийся в засаде враг, подстерегающий злоумышленник (др.-нем. *sâzari*, ср.-нем. *sâze* – *insidiae=lâga*, *lâge*). Такое название субботнего дня приводит на мысль сканд. *laugardagr*, швед. *lögerdag*, дат. *löverdag*, что в более раннюю эпоху могло быть равносильно выражениям *Lokadagr*, *Logadagr* – день, посвященный Локи.

---

¹⁷ Ibid., 222—3, 951—2.

Итак, Локи соответствует Сатурну, жестокому богу преисподней; с именем этого последнего и с именем созвучного ему Сатаны народ и связал свои воспоминания о древнем национальном божестве демонического характера. В Священном Писании Сатана есть отец лжи; сканд. *Locki* – *verführer*, *vertocker*, *nachsteller*, дат. *Loke löjemand* (*lovmand*) намекает на *lyve* – лгать, обманывать (*prat*, *loi*); Гримм подозревает сродство между словами *lüge* – ложь, обман и *logi* – огонь, вихрь. У немцев, русских и чехов существует примета: если огонь горит с треском и прыгают из печи искры, то в семье произойдут ссора и брань. Слово *wind* употребляется в значении клеветы, ложного доноса, *windbeutel* – лжец; точно так же в русском языке «слова, сказанные на ветер» означают: пустые речи, враки, ветреный человек – беспутный; у датчан есть пословица: *lögn er et skadeligt uveir* («Ложь – опасная буря»). *Der lügner* – не только лжец, но и насмешник, шутник, каким и представляется Локи в сказаниях Эдды; наши поселяне дают черту, домовому и лешему название шута, шутика¹⁸.

Старинные хроники свидетельствуют, что и славяне чтили божество, подобное Сатурну. Так, Массуди в «Золотых лугах» говорит, что во храме, построенном на Черной горе, стоял идол, изображавший Сатурна, в виде старца, с палкою в руках, которою он разгребал кости умерших; под правою его ногою были видны муравьи, а под левою сидели вороны и

---

¹⁸ D. Myth., 226—7, 568, 968; Громанн, 42; Обл. сл., 257 (черный шут), 269.

другие хищные птицы. Видукинд упоминает о медном идоле Сатурна у вагров. Славянское имя этого бога, следуя глоссам Вацерада, было Ситиврат. Словаки местом входа в ад назначают пропасти горы Ситна (название, стоящее, может быть, в связи с именем Ситиврата) и злого духа называют пропастником, препадником¹⁹.

Вообще следует заметить, что народные предания и поверья о нечистых духах изображают в них демонов грозowych туч и бурных вихрей, а в их адском жилище – мрачные вертепы облачных гор. На это мы уже не раз указывали в предыдущих главах нашего сочинения, посвященных великанам, карликам, водяным, лешим и другим стихийным духам, с которыми постоянно смешиваются черти. Вритра, Аги, Cushna и другие демоны, упоминаемые Ведами, суть только очеловеченные явления природы, ибо деятельность их обнаруживается в потемнении неба громовыми тучами, в воздымании бурь и опустошении нив градом; обитая в облачных горах или среди дождевых вод, они похищают небесных коров и дев, солнце, месяц и дождь и сражаются с Индрою – молния против молнии²⁰. В шуме весенних гроз предки наши созерцали битву громовника с демоническими силами, которых он разит своим молотом, палицей или стрелами, и доселе существует поверье, будто ударом молота по наковальне мож-

---

¹⁹ Макуш, 81—82; Ч. О. И. и Д., год 2, III, ст. Срезневский, 45; *Nar. zpiewanky*, I, 429; Срезневский, 17

²⁰ *Germ. Mythen*, 167—8.

но наложить на черта оковы²¹. К тем сведениям, какие собраны по этому предмету выше, мы добавим свидетельство старинного англосаксонского памятника, сходного по содержанию с русским стихом о Голубиной книге. Здесь, между прочим, описывается борьба Сатаны с Богом: дьявол претворяется в тьму, а Господь – в свет, первый принимает образ исполинского змея, а последний – копыя.

Наконец, сожженный Божьей молнией, раздавленный громовой колесницею и пронизанный дождем, Сатана признает себя побежденным, и Господь налагает на него железные цепи²². Под другим поэтическим воззрением гроза и крутящиеся вихри представлялись чертовой свадьбою или пляскою, и до сих пор поселяне наши убеждены, что зимние выюги и метели посылаются нечистою силою; появление и исчезновение чертей сопровождаются бурей и треском ломающихся деревьев. Манихеи и другие еретики внесли в свое учение догмат, что буря есть дыхание заключенного в оковах дьявола, что гром – скрежет его зубов, злобное ворчание, а дождь – капли его пота²³. В сербской рукописи XIV века содержится отрывок заклęcia против нечистой силы, в котором читаем: «...запрещаю ти четирами патриархи, запрещаю ти, диаволе, 308 святых отец, иже в Nikeи, да не имаша власти на троудех христианьских (то есть над нивами) одьждити (одо-

---

²¹ Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 239.

²² Опыт ист. обзор. рус. словесн. О. Миллера, I, 332.

²³ Киевлян., 1865, 57; D. Myth., 952.

ждити) боурею и злим градом»²⁴.

По мнению чехов, вместе с вихрями, поднимающими пыль столбом, движутся злые духи и причиняют людям болезни; сражаясь в воздухе, черти бросают друг в друга мельничные камни, которые раздробляются на тысячи кусков и падают на землю градом; когда приближается бурная гроза, чехи заклинаят ее следующей заповедной формулой: «zaklinam vás, anděle pekelní kteří posíláte krupobiti na tento svět, neškod'te ourodám božím, ani zemi, ani chmelnicím, ani lukám, ani lidem, ani hovědům, ani žádnému stvoření božimu... abyste na skály a na hustiny šli». Подобно тому в Ведах встречаем молитву: «... не повреди нам, Рудра, на сынах наших и внуках, на лошадях и коровах!»²⁵. От XVI века дошли до нас сказания, в которых опустошительные бури изображаются как дело нечистых духов: в 1570-х годах в некоторых местностях Богемии жители наблюдали их полет в стремительных вихрях, а в одной деревне рассказывали, будто дьявол свел любовную связь с бабою (ведьмою) и научил ее напускать грозу и град; когда виновную бабу спалили на огне, то черти подхватили ее душу и унесли в вихре.

В 1585 году крестьянин, у которого град выбил ниву, так выразился о своем несчастье: «...však Pan Bůh tehda spal, když nám čert to obili zdrtil a kroupami potloukl!»²⁶. В народ-

---

²⁴ Оп. Румян. муз., 605—6.

²⁵ Громанн, 33—35.

²⁶ Иричек — в Часописи 1S63, 1, 23—24

ных клятвах доныне дается черту стихийное значение: «hat dich der teufel aber herzu tragen?», «wo führt ihn der teufel her?», «daz dich der tiuvel hin füere!», «var du dem tiuvel in die hant!», «fahr hin zum teufel!», «le diable t'emporte!», «куда тебя черт занес! (или завел)», «чтоб тебя черт брал!». Сравни с заклятиями: «was für ein wetter fuhr dich her!», «welches ungewitter (или: donnerwetter) hat dich hergebracht?», «wo schlägt dich der hagel her?», «ich will des wetters sein!», «ich bin des donners!», «каким ветром тебя занесло сюда?»; у словачков: «kde tarn ideš do Paroma!», «kde si bol u Paroma?» Клятва: «zum teufel!» (к черту!) равносильна выражениям: «zum dormer!» и «dass dich der hammer!» Рядом с благословением: «gott waits!» в устах народа слышится: «des wake der teufel, der dormer!»

Названия teufelskind и donnerskind, teufelsgeld и donnersgeld (заклятые деньги) тождественны. Черту приписывается быстрота вихря или несущихся в грозе духов неистового воинства; подобно эльфам, черт может внезапно появляться, исчезать, оборачиваться в различные образы и делаться то великаном гигантских размеров, то карликом, способным пролезть в замочную скважину или в пустой орех. В средневековых сагах герои приносятся из дальних стран домой с необычайною скоростью чертом и большею частью чрез воздушные пространства.

Так, король Карл в единую ночь прискакал с востока во

Францию на дьяволе, превратившемся в коня²⁷. Известна легенда о святом пустыннике, которого в несколько часов свозил черт в Иерусалим или в Рим²⁸. Другие саги допускают замену нечистого духа ангелом, указующим на быстроногого коня: знак, что первоначально тут разумелся не злой демон христианского учения, а созданный язычеством стихийный дух (ветр) или сам Вуотан, несущий своего любимого героя в бурном полете облаков²⁹. Как представитель легко изменчивых облаков и туманов, черт может превращаться во все те образы, в которых древнейший миф олицетворял тучи. Согласно с эпическими названиями облаков ходячими, а ветров буйными, черти вечно бродят по свету и отличаются неустанною, беспокойною деятельностью; на областном наречии шатун означает и бродягу, и дьявола³⁰. По быстроте своего полета тучи уподоблялись хищным птицам, легконому коню, гончим псам и диким козлам и козам, а ради той жадности, с какою они пожирают (помрачают) небесные светила, — волку и свинье.

Все эти животненные формы принимает и нечистый. Из сейчас указанной саги видно, что он, наравне с ведьмами, может превращаться в борзого коня; в других сказаниях он,

---

²⁷ D. Myth., 951, 964–6, 980; Nar. zpiewanky, I, 407.

²⁸ Н. Р. Лег, 19, 20, с. и с. 165–8; Семеньск, 52, 53; Пам. стар. рус. лит-ры, I, 245–8: «Сказание о великом святителе о Иване, архиеп. великого Новаграда, како был единой нощи из Новаграда в Иерусалиме-граде и паки взвратися».

²⁹ D. Myth., 980.

³⁰ Обл. сл., 263.

подобно Вуотану и Донару, выезжает на черном коне или в колеснице; осужденных грешников увозят в адские бездны черные кони; Локи превращался в кобылу и породил осьминогую Слейпнира от великанова жеребца Svadhillfari. Прибавим, что и водяные представляются наполовину, а иногда и совсем в лошадином образе; а кобольдам народные поверья дают лошадиную ногу. Черт нередко показывается в виде собаки и даже называется hellehund, напоминая тем греческого Цербера; как адский пес, он стережет спрятанные в облачных подземельях сокровища, оберегает небесные стада и участвует в дикой охоте – этой поэтической картине весенней грозы, почему его называют также: hellehirte и hellejager.

В силу мифического сродства мертвецов с стихийными духами создалось верование, будто он охотится за душами усопших, как гончая собака за убегающей дичью: «führt dich der zauch (др.-верхненем. zoha – сука) schon wieder her?» Представление черта козлом ставит его в особенно близкие отношения к Тору. На праздничных сборищах ведьм Сатана является в образе черного козла, которому они воздают божеские почести; в закланиях козел служит заменой древнего бога. В Швейцарии народ не употребляет в пищу козлиных ног, потому что такие же ноги имеет и сам черт: это обыкновение объясняется из мифа о козлах Тора, мясом которых утолял он свой голод, а из собранных костей снова воскрешал убитых и съеденных животных и сильно гневался, когда однажды кость козлиной ноги оказалась раздробленной.

Наподобие Тора черт ездит по ночам на козле и щелкает бичом или правой рукою машет серебряным молотом, а в левой держит молнии. О превращениях злого духа в свинью и волка было сказано выше. Черт охотно воплощается в черного ворона, коршуна и сову; немцы называют его *hellerabe*, и не только ради хищности и черного цвета этой птицы, но и потому особенно, что ворон посвящался Одину, шествующему в грозе и бурях³¹. Животненные формы даются бесам в придаток к тем безобразным человеческим формам, в которых рисовались они воображению первобытных племен; наделенный козлиными, коровьими или лошадиными ногами и ушами, рогами и хвостом, черт внешним видом своим сближается с античными фавнами и сатирами и нашими лешими; он так же космат, как *skraten* и *pilosen*; острые когти его и крылья суть признаки звериного и птичьего типов.

По летописному свидетельству, боги, живущие в безднах, «видом черны, крылаты, с хвостами и летают под небо»³². Сходно с эльфами, цвергами и пиксами, черти любят пляски и музыку³³. Наряду с бесами мужеского пола, предания говорят о чертовках, которые, по характеру своему, совпадают с облачными, водяными и лесными женами и девами³⁴. У

---

³¹ D. Myth., 946–9, 952, 958, 965, 974; Beiträge zur D. Myth., I, 66.

³² П. С. Р. Л., II, 273.

³³ Ibid., I, 83.

³⁴ D. Myth., 958–9.

малорусов есть поговорка: «Дождь дождался чертовой матери»³⁵. В народных сказках в жилище черта сидит его бабка, мать или сестра, которая в большей части случаев оказывается благосклонною к странствующему герою, прячет его от своего сына и помогает ему в нужде (с тем же значением изображается и мать ветров); сам же черт, ворочаясь домой, чует носом человеческое мясо, как чуют его великаны и змеи.

По мнению малорусов, если «дощъ йде кризь сонце (то есть при солнечном сиянии), то черт жинку бье» или «дочку замижъ виддае»; чехи говорят: «čert běli svou babu, či svou matku neb choť» (любовницу); французы: «le diable bat sa femme». В Германии о быстро сменяющейся погоде – то ясной, то дождливой и пасмурной – выражаются поговоркою: «Der teufel bleicht seine grossmutter», в Швейцарии: «Der teufel schlägt seine mutter»; когда гром гремит при солнечном сиянии, немцы говорят: «Der teufel schlägt seine mutter, dass sie ol gibt». Польско-русинское присловье утверждает, что ведьмы (чаровницы) сбивают масло в то самое время, как черт бабу колотит. Очевидно, черт выступает здесь в роли громовника; в шуме летней грозы он бьет свою мать или жену, т. е. облачную нимфу, и требует от нее масла, то есть дождя. Туча, в недрах которой рождается молния, почиталась ее матерью; в сказках упоминается мать грома, литов. Percuna tete. С другой стороны, та же облачная нимфа, под иным поэтическим воззрением, представлялась любов-

---

³⁵ Номис, 109: «Дочекався чортовой мами!»

ницею или женою грозового демона, с которою он сочетается молниеносным фаллюсом³⁶.

Вместе с присвоением громовнику и сопутствующим ему духам характера демонического, сатанинского, жилища их, т. е. облачные подземелья и пещеры, получили значение страшного царства нечистой силы; в то же время царство это признано было обиталищем умерших, ибо и в языке и в поверьях смерть роднилась с нечистою силою³⁷, а тени усопших – с грозowymi гениями. И та, и другие неслись в рядах неистового воинства и дикой охоты, сопровождали Одина в его воздушных поездах и вместе с ним скрывались в облачные горы и дождевые источники. Те же самые образы и краски, какие созданы были поэтическим настроением древнего человека для туч, служили и для обрисовки царства демонов и мертвых.

Прежде всего, это есть мир подземный, куда ведет трудный путь чрез пропасти и горные ущелья, – мир непроницаемой тьмы и страшно клокочущего, всепожигающего пламени: тьма указывает на помрачение неба черными тучами, а пламя – на горящие в них молнии. Таково было воззрение арийских племен. Веды знают ужасный, подземный

---

³⁶ D. Myth., 157, 960; Номис, 282; Гануш о Деде и Бабе, 25. Народные поговорки утверждают, что «черт и баба – родня между собою», «где черт не сможет, туда посылает бабу».

³⁷ Напомним, что суббота (dies Saturni) есть по преимуществу день поминок.

мир Naraka, в котором царствует богиня Nirriti³⁸; по учению древних греков, души усопших отходят в подземный, вечно туманный и мглистый ад (Ἅϊδης, αἰδης), где властвует бог Аидес (Гадес), являющийся во всей грозовой обстановке: он имел шлем-невидимку, жезл и златоблестящую колесницу (метафоры облака и молнии)³⁹.

Греческому аду соответствуют германская гелла и славянское пекло. Сканд Hel (гот. Halja, др.-нем. Hellia, Hella, англосакс. Hell) принимается в двух значениях: как название того света (unterwelt) и как имя царствующей там богини – точно так же, как греч. Ἄϊδης и лат. Orcus (uragus, urgus) олицетворялись в мужском образе. Ульфила переводится αἰδης, словом halja; верхненемецкий переводчик Священного Писания infernus передает через hella, а gehenna – через hellafir и hellawizi. Геллу, сверх того, чтили язычники как богиню смерти, существо злое, забирающее души усопших в свою печальную область, откуда уже нет возврата.

По свидетельству Эдды, она была дочь Локи, порожденная великанкою, сестра волка Фенрира и чудовищной змеи; она наполовину или и совсем черного цвета, подобно тому, как, олицетворяя смерть, народное воображение рисует ее сумрачною и черною. Царство Геллы лежит глубоко в утробе земли, под корнем мировой ясени Иггдразилли и носит имя Nifl heimr или Nifl hel=nebelwelt, nebelholle (облачный,

---

³⁸ Die Götterwelt, 53.

³⁹ Der Ursprung der Myth., 171.

туманный мир или ад); ее чертог – Eliudhnir (страдание, бедствие), блюдо – Hungr (голод), нож – Sultr (с тем же значением), т. е. она пожирает с ненасытным голодом. В Средние века изображали ад жадно раскрытым, поглощающим людской род зевом, подобным волчьей пасти; старинные памятники говорят о бездне, дверях и челюстях адских.

Идеи зияющей бездны, отверстой пасти, ворот и крепких, неодолимых запоров так естественно возникали в данном случае, что разные народы постоянно обращались к этим образам. Наши церковные и лубочные изображения Страшного суда рисуют ад в виде открытой, огнедышащей пасти чудовищного змея⁴⁰.

Усопшие едут в область Геллы на конях или в колеснице («fara til Heljar»); созвездие Большой Медведицы называют не только himmelwagen, но и hellewagen; имена, даваемые Млечному Пути, указывают на него как на дорогу, которая ведет умерших на тот свет, – любопытные данные, ярко свидетельствующие, что подземное, загробное царство первоначально было только метафорическим обозначением небесных, облачных пещер. Греки помещали ад то в недрах земли, то за пределами воздушного океана, где находились и блаженные острова. Рядом с подземной страной Naraka индийское верование указывает на фиговое дерево (acvattha = Иг-

---

⁴⁰ У пророка Исайи, V, 14: «и расшири ад душу свою, и разверзе уста своя». На стенной живописи вологодского Софийского собора под стопами Спасителя, изводящего из ада души праотцев, изображены сокрушенные врата, верей и заклепы. – Изв. Имп. Археол. об-ва., IV, 24.

гдразилль), под сенью которого пребывают праотец Яма и все блаженные – Pitris, наслаждаясь невозмутимым покоем и вместе с богами вкушая бессмертный напиток.

Рядом с геллою скандинавский миф называет валгаллу (valhöll). На высоком небе высился Asgardhr – город светлых асов, где хозяином и владыкою был Один; окруженный крепкими стенами, город этот заключал в себе славные чертоги и валгаллу. Эта последняя имела 540 дверей, вместо кровли была покрыта золотыми щитами, на стенах ее висели блестящие мечи и давали свет, озаряющий всю залу. Сюда поступали падшие в битвах герои (einherien) и продолжали свои воинские занятия; каждый день они сражались на дворе и умерщвляли друг друга, но когда наступало время трапезы – убитые восставали и пировали за одним столом с победителями, вкушая бессмертные яства и вдохновительный мед; в битвах этих принимал участие и сам Один.

Ясно, что герои валгаллы суть стихийные духи, сражающиеся в летних грозах и пьющие живую воду дождя, – представление, перенесенное потом на доблестных народных витязей, души которых смешиваются с бессмертною свитою Одина. В царство же Геллы поступают умершие от старости и болезней; первоначально это – место пребывания усопших, а никак не место наказания грешников; о казнях и муках нет ни слова в древнейших памятниках, и обитатели Нифльгейма составлялись не исключительно из злых и нечестивых людей, но все скончавшиеся не в пылу сражений, даже самые

благородные и возвышенные личности, отходили сюда, как свидетельствуют примеры Брунгильды и Бальдура. По греческому верованию, почившие герои поступали в мрачные вертепы ада.

Тем не менее из этих мифических основ с течением времени, когда выработалась известная сумма нравственных правил, должны были развиваться представления о различной участи, ожидающей по смерти добрых и злых. Слабые зачатки таких представлений встречаем уже в мире языческом, оделившем небесное царство Ямы и блаженных праотцев от подземной области Нараки. С забвением исконного смысла старинной метафоры, уподобившей облака горам и подземельям, и с перенесением ада в действительные недра земли сказания о нем стали противопоставляться мифу о небесных (райских) обителях богов и их любимцев⁴¹.

Уже Гомер различает Тартар от елисейских полей; Тартар лежал еще глубже ἄδης'α – в бездне, где томились заключенные великаны, буйные противники богов, – и позднее признан был за ту часть подземного царства, в которой злые осуждены терпеть казни; в елисейских же полях проводят беспечальные дни тени блаженных. У германцев также было верование, принимаемое Я. Гриммом за сравнительно позднейшее, что Всевышний (Allvater) дарует людям бессмерт-

---

⁴¹ Между небом и подземным царством ада земля составляет средину – Midhgardh (media domus). – D. Myth., 526; О влиянии христианства на славянские языки, 188.

ные души и как скоро труп покойника будет сожжен на костре или сгниет в могиле – душа доброго возвращается к Одину на небо. (Gimill, Vingolf), а душа злого идет в Nifl heimr.

Собственно же говоря, строгое различие между грядущими судьбами добрых и злых и местами их посмертного пребывания указано христианством, которое потребовало от человека высокой нравственной чистоты и стало судить его по его внутренним достоинствам. В XIII веке уже утвердилось за геллою ее теперешнее значение подземного царства мук, в котором пребывают души осужденные, проклятые⁴². В древних верхненемецких памятниках употребляется в смысле ада *bëch* (*rëch* – *riх*, смола); новые греки называют преисподнюю *πίσσα*. Этот смоляной ад известен у славян и литовцев под именем пекла (польск. *piekło*, серб. *пакао*, слов. *pekel*, илл. *pakal*, литов. *pekla*, др.-прус. *pickullis*), каковое слово происходит от глагола печь, пеку и равно означает и смолу, которая гонится чрез жжение смолистых деревьев, и геенское пламя⁴³. Венгерское *rokol* (ад) заимствовано от славян – точно так же, как германские племена заимствовали от римлян *infern*.

На Руси смолу называют варом, а слово «деготь» имеет в

---

⁴² D. Myth., 2S8–292, 663, 761–4, 777–8; Die Götterwelt, 58, 158, 162.

⁴³ Описание слав. рукоп. Моск. синод. библ., отд. I. 109: пекло – смола; отд. II, вып. II, 239; пекла моуки – *inferni* роенас; Церковнослав. словарь Востокова: «посмоли же ковчег пеклом»; пекол, пекл, пькол – смола или асфальт.

санскрите корень *dah* (*dagh*) – гореть⁴⁴. Следуя буквальному значению этих слов, предки наши связывали их с представлениями весенних вод и дождей, рождающихся под действием яркого солнца и молниеносного Перуна из растопленных снегов и туч. Таким образом, смола и деготь издревле были метафорами дождя, а слово «пекло» к обозначению «ада» перешло от понятия громовой тучи, пылающей молниями и преисполненной кипучею влагою живой воды. В старинных славянских рукописях греч. *tártaros* переводится грозю: «инии грозе предаются»⁴⁵. У люнебургских вендов *ad-smela* = смола. Литовский *Pokole* (*Poklus*, др.-прус. *Pikolos*, *Pe kolos*) есть бог-пекельник, владыка того света, тождественный Гадесу; черт по-литовски – *rusulas* (др.-прус. *pickuls*).

По народным поверьям, появление и исчезание нечистых духов всегда сопровождается громовым треском и удушливыми парами, распространяющими серный или смолистый запах⁴⁶. Малороссийская поговорка «Як дидько по пеклу шибаєтця» указывает на властвующего там Сатану, или подземного Перуна; как у славян имя Деда Перуна перешло в название дьявола, так у немцев *alt* есть не только прозвание Тора, но сверх того означает и черта, и великана; сравни наше:

---

⁴⁴ Г. Микуцкий сближает *dah* с славянским жег; *d* изменяется в *ж*, как в словах: орудие – оружие, куделя – кужеля (Зап. Р. Г. О. по отдел. этногр., I. 589).

⁴⁵ Описание слав. рукоп. Моск. синод. библ., отд. II. вып. II, 261–2.

⁴⁶ D. Myth., 765; Lituanica, Шлейхера, 27; Дифенбах, I, 336–7; Гануш о Деде и Бабе, 13; Громанн, 27; Киевл. 1865, 57.

«старый черт»⁴⁷. Славяне полагают пекло под землею, куда надо спускаться чрез разинутую адскую пасть, подобную глубокому, извергающему страшное пламя колодцу. Простолюдины русские убеждены, что душа во время «обмиранья» (летаргии), руководимая Николаем-угодником, странствует в подземном царстве и видит там адские муки.

По свидетельству Длугоша, язычники-поляки молили подземное божество отвести их по смерти в лучшие места ада (*in meliores inferni sedes*)⁴⁸. В Шлезии «пеклом» называют склепы с погребальными урнами⁴⁹; а словацкий *pikuljk* принадлежит к разряду домовых гениев, в образе которых чтились духи усопших предков. В народных сказках герои, отправляясь на тот свет, нисходят туда чрез глубокую яму. Словаки рассказывают об одном охотнике, который по указанию Бабы-яги ездил в ад и спускался для того в пропасть; его вез летучий змей (дракон-туча), и когда не хватило запасов, странствующий молодец вынужден был дать змею кусок мяса от собственной ноги и остался навсегда хром⁵⁰.

Те же подробности находим в наших, немецких и норвежских сказках, повествующих о возвращении героев с того света – из далекой страны чудовищных демонов; но место змея заступает громадная птица, потемняющая своими кры-

---

⁴⁷ D. Myth., 957.

⁴⁸ Ж. М. Н. П. 1847, II, ст. Срезневского, 188.

⁴⁹ Вест. Евр. 1826, 111, 210.

⁵⁰ Пов. и пред., 153–5; Nar. zpiewanky, I, 12.

льями солнечное сияние. В заговорах нечистая сила посыла-
ется «в океан-море (или небо), в бездны преисподние, в кот-
лы кипучие, в жар палючий, в серу горючую, в тартарары –
во тьму кромешную»⁵¹. Изображая ад пеклом, т. е. возжжен-
ною смолою, народная фантазия соединила с ним представ-
ление об огненной, бурно клокочущей реке, которая у греков
называлась πυρίφλεγέουσα (огненный поток)⁵². Миф о кончи-
не мира, живописующий разрушение в шуме весенних гроз
старой, одряхлевшей за зиму природы, свидетельствует, что
в то страшное время протечет река огненная.

При конце Вселенной настанет царство Антихристово,
светила небесные померкнут, архангелы вострубят в рога – и
мгновенно воскреснут мертвые. «Посем, – говорит Кирилл
Туровский, – огонь неугасимый потечет от вьстока до запа-
да, поядая горы и камение и древа, и море иссушая; твердь
же яко бересто свертитися (вар. небеса совиются), и вся ви-
димая сущия вещи, развее человек, вся от ярости огненные
яко воск истают, и згорит вся земля. И сквозь той огонь по-
добает всему человеческому роду пройти... В них же суть
неции, мало имуще съгрешения и неисправления, яко чело-
веци, понеже есть Бог един без греха, да сим огнем искуше-
ни будут, очистятся и просветятся телеса их яко солнце, по

---

⁵¹ Сахаров, I, 30–31.

⁵² Griech. Myth. Преллера, I, 637; φλέγω –жигаю. Калевала упоминает ог-
ненную реку; волны ее бьют в скалу, на вершине которой сидит орел (молние-
носная птица) и точит свой клюв.

добродетели их: праведным дает свет, а грешным опаление и омрачение.

Прешедшим же им огненную сию реку, огненная си река, по Божию повелению, послуживше и отшедши к западу, учинится во озеро огненное на мучение грешным. Посем будет земля нова и ровна, якоже бе искони, и бела паче снегу, и потом повелением Божиим пременится и будет яко злато; изидеть из нея трава и цветы и много различнии и неувядающи никогда же... и возрастут древа не яко видимая си суще, но высокою, лепотою, величеством невозможно есть изглаголати усты человеческими»⁵³.

В стихе о Страшном суде сказано: протечет река огненная и запалает огонь от земли до неба и пожрет камни, леса, птиц и зверей.

Сойдут с небес ангелы грозные,
И снесут они орудия огненные
И погонят грешных в реку огненну.

Вслед за тем начинается великий потоп, омывающий греховную землю⁵⁴. На картинах Страшного суда изображается

---

⁵³ Пам. XII в., 100–1; Рукоп. графа Уварова, вып. I, 118–9. В стихирах недели мясопустной, по рукописи XV столетия, читаем: «...река же огненная пред соудящим течет, оужасая вьсех... плачу и рыдаю, егда во оуме приимоу огонь неоугасимый, тмоу кромешною и пропасть глоубокою, лютого червия неоусыпающе и скрежет зубный». – Калеки пер., VI, с. XVII.

⁵⁴ Ч. О. И. и Д., год 3, IX, Киреевский, 196–205.

и эта неугасимая река, с толпами захваченных ею грешников. В путевые записки Коробейникова и Грекова при описании святых мест Палестины занесено предание: «...и тою подолью, сказывают, хочет течи река огненная в день Страшного суда»⁵⁵. В народном стихе Михаил-архангел представляется в роли Харона⁵⁶: как на последнего возложена была обязанность переправлять тени усопших через адские потоки, так этот перевозит души праведных через реку огненную «ко пресветлому раю».

В сказках змей и Баба-яга указывают богатырям на огненные источники (тучи), в которые что ни брось – тотчас же все объемлется пламенем Восток, откуда восходит (нарождается) ясное солнце, чтился арийцами как райская страна, царство весны и ее благодатных даров; напротив, запад есть страна ночного мрака, смерти и адских мук. Младенческим племенам все то казалось за истину, что видел их глаз; солнце, удаляющееся вечером с небесного свода, и облака, гонимые за горизонт ветрами, как бы уходят под землю, а потому запад, где умирает дневное светило, признан был за подземное, загробное царство; там полагали греки и свой ἄδης. Весенняя, пожигаемая молниями туча течет с востока огненною рекою, поедает обветшалый мир и затем отходит к западу, где и водворяется на муку грешным Всемирный пожар

---

⁵⁵ Сахаров И., 146.

⁵⁶ Имя, указывающее на грозовое божество (χαίροφ, χαροπός). – Der Ursprung der Myth., 273.

действует заодно со Всемирным потопом, как поэтические представления грозового пламени и дождевых ливней, и затем наступает блаженное царство весны: земля, обессиленная рукою старости (то есть зимы), юнеет и обновляется, поля и леса одеваются в зелень и сулят обилие плодов земных. Согласно с представлением зимних туч бесплодными горами и скалами, созданными владыкою демонов и разрушенными богом-громовником, новый мир изображается цветущею равниною. Так как и с огнем, и с водою соединялась идея физического и нравственного очищения, то понятно, почему народ сочетал с огненною рекою двоякое значение: во-первых, адского, наказующего потока и, во-вторых, очистительного пламени (fegefeuer); здесь коренится католический догмат о чистилище (purgatorium).

По свидетельству народного стиха, грешные души, очистившиеся в огненной реке, изымаются из ее хлябей неводом, что напоминает нам ту сеть, с которою являются боги во время грозы, уподобляемой древними поэтами рыбной ловле в водах небесного океана.

И прошел невод мукой вечною,
И вытащил душ праведных (прощенных) из муки
вечныя⁵⁷.

Персы верят, что добродетельные души пойдут на небо,

---

⁵⁷ Ч. О. И. и Д., год 3, IX, 215–6.

а злые, грешные будут прежде очищены огненной металлическою рекою, которая разольется при кончине Вселенной, и потом уже начнется всеобщее, бесконечное блаженство, явятся новая земля и новое небо и воцарятся вечный свет и правда⁵⁸.

Кроме запада, идея ада связывалась с севером, как страшною полуночною, веющею зимними стужами. Понятия ночи, зимы, смерти и все потемняющих туч отождествлялись в языке и мифах, что и привело к представлению севера царством демонов и, напротив, заставило юг сблизить по значению с востоком, видеть в нем родину небесного огня. По скандинавскому преданию, царство Геллы лежит на севере. Когда Hermödhur послан был к усопшему Бальдуру, он девять ночей (по-русски следовало бы сказать: девять дней) ехал мрачными глубокими долинами и достиг реки Giöll (strepens – шумно-бурливая), через которую вел мост, покрытый блестящим золотом (то есть радуга, издревле признаваемая за дорогу в небесные обитатели и путь усопших).

Мост этот сторожила дева Modhgudhri; она объявила страннику, что пять дней перед тем толпа умерших мужей перешла через мост и что жилище Геллы (helvegr) находится еще глубже и севернее. Мрачные, глубокие долины соответствуют греческому Ερεβος и составляют проход, ведущий к аду (Halja), это – холодная, туманная, охваченная непроницаемым мраком страна Nifl heimr'a, где обитают и

---

⁵⁸ Ж. М. Н. П. 1838, т. XX, 328; 1858, III, 277–8.

носятся темные эльфы. Посреди этой страны бьет источник Hvergelmir, из которого истекают двенадцать бурливых рек, и между ними Giöll, ближайшая к жилищу богини. Потоки эти суть мифические представления дождевых ключей, так как самый Nifl heimr – поэтическое изображение туманов и сгущенных облаков. Ту же обстановку встречаем и в античных сказаниях о мутном, окруженном постоянными туманами Стиксе⁵⁹ и других адских реках⁶⁰. По рассказу Гомера, ад находится у вод великого (воздушного) океана и корабль Одиссея направляется туда северным ветром.

Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос...
Ночь безотрадная там искони окружает живущих⁶¹.

Хотя скандинавский миф, описывая последний день Вселенной, и умалчивает об огненной реке, но зато говорит о

---

⁵⁹ «Styx nebulas exhalat iners».

⁶⁰ D. Myth., 762–4. Дождевые, грозовые потоки равно принадлежат и раю, и аду, только на обрисовку их здесь и там употреблены различные поэтические краски.

⁶¹ Одис, XI, 13–19. Киммерияне – жители загробной области, усопшие; Одиссей отправляется к ним опросить душу мудрого Тирезия. «Audi deutes ihr name auf Erebus und Unterwelt, da sie auch ἐρβέρτοί kiessen, welches wahrscheinlich wie der name des griechischen höllenhundes Κέρβερος, mit ἐρεβος zusammenhangt, während der name Κι μ ἐρίοί auf eine andere form desselben wortes, nehmlich auf ἐρενός führt». – Griech. Myth., Преллера, I, 634. Сравни с преданиями о блаженном народе гипербореях. – Ibid., 189.

всесветном пожаре. В противоположность северному миру зимнего холода и туманов, на юге лежит мир огня, называемый в Эдде Muspellsheimr⁶². Охранять Muspellsheimr приставлен Surtr (под. Surtar = schwarzbraune) – имя, родственное с словом svartr – niger; вулканические расщелины скал в Исландии называются Surtarhellir. Surtr и Suartr встречаются как имена великанов. Нигде в обеих Эддах Суртур не выступает в качестве бога; подобно другим великанам, он – враг и соперник асов, демонический представитель грозowych туч: Völuspâ огонь называет Surta sen – Surti amicus.

Когда грехи превзойдут меру, на земле станут царствовать жестокость, властолюбие и неправда и Вселенною овладеет суровая зима; тогда должна последовать кончина света. Вооруженный блестящим мечом и окруженный пламенем, Суртур подымется вместе с грозными сынами Муспелля (Muspellssöhne), наступит войною на богов и предаст Вселенную страшному огню; при его появлении задрожат скалы, люди пойдут путем смерти и небо распадется с треском. Асы будут побеждены, старый мир рушится, и вместо него возникнет новый, благословенный. Ясно, что огненная река, текущая с востока, и пламя всесветного пожара, приносимое с юга, – представления, совершенно тождественные.

---

⁶² Mutspelli (muspille), по объяснению Я. Гримма, – слово сложное: вторая часть его spilli, spelli, spell роднится с сканд. spioll – corruptio, spilla – corruinpere, англосакс. spillan – perdere, англ. spill, др.-верхненем. spildan, др.-сакс. spildian; mud, mu (mû) включает в себе понятия земли или дерева. Следовательно, mudspelli есть поэтическое название огня как потребителя деревьев, пожирателя дров.

Под влиянием христианских сказаний староверхненемецкая поэзия выводит, вместо Суртура, Антихриста и заставляет его сражаться с Ильею-пророком, пролитая кровь которого воспламеняет все горы⁶³. Славяне также соединяли идею ада не только с западом, но и с севером; они доньше хранят воспоминания о беспощадной стране смерти, веющей стужей и метелями. Ад, по их мнению, состоит отчасти из пропастей и бездн, наполненных кипучею смолою, отчасти – из снежных и железных гор (то есть из туч, окованных зимним холодом). Из железных гор прилетают зимою морозы, и сюда скрываются они на лето; вообще вьюги и морозы, по народному поверью, происходят от выхождения нечистой силы из адских вертепов. Отсюда же прилетают в известную пору своего губительного влияния, определяемого физическими условиями, весенние лихорадки, коровий мор и другие болезни – обыкновенные спутницы и помощницы смерти, которым простолюдины дают характерный эпитет «замороженные»⁶⁴.

Вспомним, что дивии народы (великаны) заключены в горах на самой полунощи. Немцы полагают жилище черта на севере; этой страны боятся и русские поселяне, и эсты⁶⁵. В древнеславянских переводах и оригинальных произведениях словом «тартар» обозначается подземная пропасть, нико-

---

⁶³ D. Myth., 768–771.

⁶⁴ Сахаров, I, 54; II, 27, 65.

⁶⁵ D. Myth., 953.

гда не освещаемая и не согреваемая солнцем, место вечно-го, нестерпимого холода, куда будут посланы души грешников: «а се есть глаголемый тартар – зима несъгреема и мразь лютъ». Лингвисты слово *тараос* роднят с *тартариоω* – дрожу от холода⁶⁶.

Таким образом, с адом соединялись самые противоположные представления: яркого пламени и непроницаемой тьмы, нестерпимого жара и мертвящих морозов. Эти различные данные послужили основой для изображения тех страшных мук, на которые осуждаются грешники. Злые демоны гонятся за душами усопших грешников, схватывают их острыми когтями, связывают как своих пленников и, погружая в адские бездны, предают жестоким казням; поэтому германские племена дают черту названия: *henker*, *diebhenker* – палач, вор, мучитель, *der morder von anfang*, *der grausame seelenhenker*⁶⁷. Подобно водяным духам, встречающим всякого утопленника с плясками и весельем, черти, по русско-му поверью, заводят неистовую гульбу возле трупов удушенника и самоубийцы⁶⁸. «Будет мука розная, – говорит стих о Страшном суде, – иным грешникам будут огни негасимые, иным – зима студеная, иным – смола кипучая, иным – черви ядовитые, а иным – тьма несветимая и пропасть глубокая»⁶⁹.

---

⁶⁶ Труды Моск. Археол. об-ва, I, 74–75 (Материалы археол. словаря).

⁶⁷ D. Myth., 956, 964.

⁶⁸ Укр. мелодии Маркевича, 117.

⁶⁹ Ч. О. И. и Д., год 3, IX, 201.

Апокрифическая статья «Хождение Богородицы по мукам», рукописи которой восходят к самому началу письменности⁷⁰, рисует полную картину адских истязаний: одни грешники и грешницы мучатся в огненном озере (или огненной реке), погруженные по пояс, по грудь, по шею и с головою; другие возлежат на пламенных одрах; многие повешены за ноги, руки, языки, уши, сердце и поедаемы червями и змеями; некоторых дьяволы прободают железными прутьями и рожнами, а иных сосет лютый змей – чудовище с огненным языком и железными когтями. Сравни с рассказом, записанным в Паисьевском сборнике (XIV в.): «...и видехом озеро полно змий, якож бяше не видеть воды под ними, и слышахом плачь и стенанье люто, и бяше озеро то полно человек, и приде глас с небеси, глаголя: си суть людье осужении!»⁷¹.

В одном рукописном отреченном сказании, сообщенном мне проф. Григоровичем, сказано: «Адам поживе на земли лет 930 и умре и прииде смерть Сатанина и взем душу его и внесе во ад мучитись 3000 лет внутри ада во огни горящем, руки и ноги связаны, на шест цепляны». Все эти казни издревле рисовались на иконных изображениях Страшного суда и до последнего времени продолжали служить богатым

---

⁷⁰ Список Троицкой лавры относят к XII веку. – Пам. отреч. лит-ры, II, 23; Пам. стар. рус. лит-ры, III, 118–124. Хождение по мукам апокрифическая литература приписывает и апостолам, и святым. – Пам. отреч. лит-ры, II, с. 40 и дал.

⁷¹ Пам. стар. рус. лит-ры, III, 137; Ист. очер. рус. слов., I, 493; О. 3. 1857, XI, ст. Пыпина, 350–7.

материалом для лубочных картин. Неразвитый ум и огрубелое чувство простолюдина не в силах представить себе, чтобы муки душевные могли быть нестерпимее телесных, и он убежден, что за тяжкие грехи посадят его в котел с кипящей смолою, повесят за язык, ребро или за ногу, станут бить раскаленными прутьями и мучить на страшном ложе, составленном из острых игл, бритв и ножей, снизу которого пылает жгучий огонь, а сверху капает растопленная сера⁷²; он верит, что клеветник и лгун будут по смерти лизать горячую сковороду, что ростовщики и сребролюбцы будут выгребать из печи жар голыми руками, что на опойцах черти станут возить дрова для подтопки адских горнов и воду для приготовления кипятка, что любодейницу будут сосать лютые змеи⁷³.

На лубочной картине, изображающей смерть грешника, Сатана говорит осужденному: «...любил ты на белом свете мыться и нежиться на мягком ложе; поведите теперь его в мою баню огненную и положите на ложе огненное». Черти ведут его в баню, парят горящими вениками и кладут на раскаленное ложе; в заключение разных истязаний они ввергают грешника в огненный колодезь. Представления эти запечатлены тем материальным характером, который ярко свидетельствует за их глубокую давность; связь их с древнейшими мифами язычества не подлежит сомнению. Сосущие

---

⁷² Н. Р. Лег., 27 («Кумова кровать»); Шлейхер, 75–79.

⁷³ Н. Р. Лег., № 29 и с. 125; Ч. О. И. и Д., год 3, IX, стихи Киреевского, 212–3; Срп. н. пјесме, II, 11–14.

змеи, неусыпающий червь, раскаленные железные прутья и огненные веники суть известные нам метафоры молний; котлы и колодцы, налитые воспламененною смолою, – метафоры громоносных туч.

При распределении загробных мук народная фантазия руководилась мыслию о соответствии наказания с грехом: сейчас указано, что язык, произносивший клевету, должен лизать горячее железо, а руки, загребавшие золото, – загребать жар, который сам метафорически назывался золотом; бабы, которые, торгуя молоком, подмешивают в него воду, осуждаются поливать друг друга водою и т. д. В этом отношении любопытны следующие предания, занесенные в народный рассказ о странствовании души на том свете: «Идемо степом, коли яма така глибоченна, що й дна не видно. Дид (путеводитель по аду) каже: лизь! Мусила я полизти. Гляну, аж се вже другий свит. Скризь сидять померший души, усе по статтям.. Идемо, аж миж двома дубами горить у п'ом'ом чоловик и кричить: ой, проб'и! укройте мене, бо замерзну! ой укройте мене, бо замерзну! Дид и каже: оце той чоловик, що просився до его зимою в хату подорожний, а на двори була метелиця та хуртовина, а вин не пустив, дак той и змерз пид тином. Оце ж тепер вин горить у поломи, а ему ще здається, що холодно, и терпить вин таку муку, як той подорожний терпив од морозу». По другому варианту, такая мука назначается поджигателям: «Идемо дальше, коли лежить чоловик коло криници; тече ему ривчак через рот, а вин кричить: проб'и!

дайте напиться! Дид и каже: сей не дав чоловікови в жнива води напиться; жав вин на ниви, аж иде старчик дорогою, а жара велика, Спасивська. Ой, каже, чоловіче добрий! Дай, ради Христа, води напиться. А вин ему: оце ж для тебе ви-виз! виллю на ниву, а не дам такому дармоеду, як ти! То от теперь ему ривчак через горло бижить, а вин ще пить просить, и довику вичного буде ему так жарко та тяжко, як тому старцеві, що й шов дорогою».

Или: стоит грешник по самые уста в воде, а не может утолить нестерпимой жажды; только вздумает напиться, как вода бежит от него прочь⁷⁴. Подобное мучение, по свидетельству Гомера, было определено Танталу. Весьма вероятно, что мифы эти вначале относились к стихийным духам и великанам, обитателям мрачного Аида, и потом уже были перенесены на души нечестивых людей. Грешник, испытующий холод среди пламени, напоминает нам сказочного богатыря Мороза-Трескуна, заключенного в огненную баню; грешник, томимый вечною жаждою, – великана Опивалу; бабы, осужденные поливать друг друга водою, приводят на мысль предания о ведьмах – похитительницах небесного молока, купающихся в дождевых ливнях, – и греческую басню о Данаидах⁷⁵.

---

⁷⁴ Кулиш, I, 306–8; Н. Р. Лег., с. 124–5.

⁷⁵ Греческие мифы о Титии и Сизифе (Одис, XI) стоят в связи с преданиями о Прометее и великанах, бросающих облачные скалы и горы.

Народные легенды⁷⁶ описывают загробные муки, какие удалось набожному и сострадательному страннику («Христову брату») видеть на пути к дому Небесного Владыки; в других редакциях вместо этого странника выводится добрый молодец, который отправляется к красному Солнышку и по дороге к его царству видит муки грешников. Очевидно, легенда о Христовом брате есть подновленная в христианском духе древнейшая сказка, с заменою языческого божества Солнца именем Спасителя, называемого в церковных песнях «Праведным Солнцем».

В числе осужденных сказочный герой видит мужика: стоит он на дороге весь загрязненный, дует на него буйный ветер и несет ему в рот и в нос густую пыль. Такая кара определена ему мстительными стихийными богами за то, что, живя на белом свете, он затыкал свою избу крепко-накрепко, чтобы ни ветер туда не дул, ни солнышко не пекло. Живописуя ад и чистилище, поэзия и искусство постоянно пользовались образами, созданными народной фантазией, и Дантова «Божественная комедия» есть лучшее тому свидетельство, ибо в ней поэт совместил все, что только дали ему литературы классическая и средневековая.

Живому неестественно не страшиться смерти, потому что жизнь уже сама по себе есть и высочайшее благо, и высочайшее наслаждение, об исходе которого нельзя думать без особенного тревожного чувства. У всех народов ходит много

---

⁷⁶ Н. Р. Лег., № 8 и примеч. к этому номеру.

примет и совершается много обрядов, указывающих на тот страх и то опасение, с которыми смотрят на все, что напоминает о последнем конце. Так, встреча с похоронами считается предвестием несчастья и неудачи; у греков прикосновение к усопшим, долгое пребывание в доме покойника, посещение больных и умирающих требовало очищения; у римлян жрецам воспрещалось прикасаться к мертвому телу⁷⁷.

На Руси кто прикасался к трупам покойника, тот не должен сеять, потому что семена, брошенные его рукою, омертвеют и не принесут плода; если умрет кто-нибудь во время посева, то в некоторых деревнях до тех пор не решаются сеять, пока не совершатся похороны. В Литве, как только приметят, что больной умирает, тотчас же выносят из избы все семена, полагая, что если они останутся под одною кровлею с мертвецом, то не дадут всходов⁷⁸. С другой стороны, так как зерно, семя есть символ жизни, то по выносе мертвого лавку, где он лежал, и всю избу посыпают рожью⁷⁹. Тогда же запирают и завязывают ворота, чтобы отстранить губительные удары смерти и закрыть ей вход в знакомое жилье. Горшок, из которого омывали покойника, солома, которая была под ним постлана, и гребень, которым расчесывали ему голову,

---

⁷⁷ О храмах, богослужении и проч. древних греков (СПб., 1815), I, 144; Пропилеи, IV, 211.

⁷⁸ Вест. Р. Г. О. 1853, III, 5; Черты литов. нар., 112. Лужичане приостанавливают в этом случае все полевые работы. — Neues Lausitz. Magazin 1843, III – IV, 331.

⁷⁹ Ворон. Беседа, 221; Этногр. сб., I, 306; Маяк. XV, 22.

везут из дому и оставляют на рубеже с другим селением или кидают в реку, веря, что таким образом смерть удаляется за пределы родового (сельского) владения или спускается вниз по воде⁸⁰.

Все присутствующие при погребении обязаны, по возврате домой, посмотреть в квашню или приложить свои руки к очагу⁸¹, чтобы через это очиститься от зловредного влияния смерти.

Вместе с болезнями, особенно повальными, быстро приближающими человека к его кончине, смерть признавалась у язычников нечистою, злою силою. Оттого и в языке, и в поверьях она сближается с понятиями мрака (ночи) и холода (зимы). В солнечном свете и разливаемой им теплоте предки наши видели источник всякой земной жизни; удаление этого света и теплоты и приближение нечистой силы мрака и холода убивает и жизнь, и красоту природы.

Подобно тому смерть, смежающая очи человека, лишает его дневного света, отнимает от него ту внутреннюю теплоту, которая прежде согревала охладевший его труп, и обезображивает лицо покойника предшествовавшими болезненными страданиями и предсмертною агонией. Смерть и черт в народных сказаниях нередко играют тождественные роли. Слова: смерть (лит. *smertis*, нем *schmerz* – боль, страдание), мор, Морана родственны по корню с речениями: морок (мрак) –

---

⁸⁰ Владим. Г. В., 1852, 25, 28.

⁸¹ Ворон. Беседа, 222.

туман, зámерек (зámерень) – перевозимье, зámореки – началь-ные морозы⁸², мара – у нас: злой дух, призрак, у лужичан: богиня смерти и болезней⁸³, мерек – черт.

Основу родства означенных речений должно искать в до-исторической связи выражаемых ими понятий. Краледвор-ская рукопись сравнивает смерть с ночью, приносящую тьму (захождение солнца = его смерть, а восход = воскресение), и с зимою, представляющею собой смерть природы, как весна есть ее возрождение. Убитый Власлав повалился на земли:

wstati ne možeše;

Морена іеі сypáše w noc črnu⁸⁴.

В другом месте Краледворской рукописи встречаем выра-жение: «*po puti wšei z wesny po Moranu*» – на пути от весны до Мораны; здесь под весною разумеется юность, а под сло-вом Морана – старость, смерть и зима. Морана представля-лась чехами богинею смерти и зимы⁸⁵; Вацерад сопоставляет это имя с греческою Гекатою, богинею луны (= ночи) и под-земного царства. Поговорки: *půjdeš na morán*; *Mořena pa něj sáhla*; *proti Mořeně není kořeně* означают: скоро умрешь; его

---

⁸² Предлог «за» означает начало действия; следовательно, приведенные слова буквально означают начало мрака или смерти (зимы).

⁸³ *Volkslieder der Wenden*, II, 268. У литовцев и леттов *Welnas*, *Wels* – бог смерти превратился в дьявола. – D. Myth., 814.

⁸⁴ Перевод: встать не может; Морена усыпила его в черную ночь.

⁸⁵ Другое имя, даваемое этой богине, – *Smrtonoška*.

коснулась смерть; против смерти нет корешка (лекарства)⁸⁶. Встречая весну торжественным праздником, славяне совершали в то же время обряд изгнания Смерти или зимы и повергали в воду чучело Мораны.

Сербы дают зиме эпитет «черная»; в одном из похоронных причитаний говорится о покойнике, что он уходит туда, где померкло солнце и царствует черная зима; там будет он вечно зимовать, и лютая змея выпьет его очи⁸⁷. У нас глагол околеть употребляется в двояком смысле: озябнуть и умереть; а глагол истывать (стынуть) – в смысле издыхать⁸⁸.

Если идея смерти сближалась в доисторическую эпоху с понятием о ночном мраке, то так же естественно было сблизить ее и с понятием о сне. Сон неразделен со временем ночи, а заснувший напоминает умершего. Подобно мертвецу, он смежает свои очи и делается недоступным впечатлению света; остальные чувства его также чужды внешним впечатлениям. Смерть и сон представляются потому в мифологиях различных народов явлениями между собою близкими, родственными. Гомер называет смерть и сон близнецами, а Гезиод – чадами ночи; и греки, и римляне признавали Ὕπνος (Somnus) братом смерти. Оба брата, по их мнению, живут вместе на западных границах мира – в глубоком подземном

---

⁸⁶ Ж. М. Н. П. 1840, XII, 128, 130; Громанн, 5–6.

⁸⁷ О. 3. 1851, VIII, ст. Буслаева, 52.

⁸⁸ Обл. сл., 76, 140.

мраке, возле царства мертвых⁸⁹; там возлежит Somnus на маковых снотворных цветах в сладком покое, а вокруг его лежа толпятся легкие сновидения в неясных образах⁹⁰. На такую древнейшую связь понятий смерти и сна указывают и наши предания.

Народная пословица утверждает их братство: «Сон смерти брат»⁹¹. В славянских и немецких сказках богатыри, убитые врагами, воскресая при окроплении их трупов живою водою, обыкновенно произносят эти слова: «Ах, как же я долго спал!» «Спать бы тебе вечным сном, если б не живая вода и не моя помощь», – отвечает добрый товарищ⁹². В современном языке вечный сон остается метафорическим названием смерти; наоборот, сон летаргический слывет в простонародье обмираньем, во время которого, по рассказам крестьян, душа оставляет тело, странствует на том свете, видит рай и ад и узнает будущую судьбу людей⁹³. Животные, впадающие в зимнюю спячку, по общепринятому выражению,

---

⁸⁹ Griech. Myth., I, 657–9: Смерть считали также порождением Земли и Тартара и давали ей эпитет αἰεεὐντος – всегда сонная.

⁹⁰ Обзор мнений древних о смерти, судьбе и жертвоприношении, 8, 27; D. Myth., 307, 803; Илиада, XXV, 230–5. Энеида называет ад жилищем теней и сна.

⁹¹ Полн. собр. пословиц и поговор. (СПб., 1822), 232; Старосв. Банд., 206.

⁹² Н. Р. Ск., I, 14 и др.; Škult a Dobsinsky, I, с. 6; Сказки Гримм, II, с. 413; Ган, II, с. 47.

⁹³ Москв. 1846, XI – XII, 155; Молодик на 1844, 1888. Поэтому думают, что обмиравшие могут предсказывать, и жрецы пользуются иногда этим суеверием ради собственных выгод. – Ворон. Г. В. 1850, 20.

замирают на зиму. Заходящее вечером солнце представлялось не только умирающим, но и засыпающим, а восходящее утром – встающим от сна; зимняя смерть природы иначе называется ее зимним сном; о замерзших реках и озерах в Тверской губернии выражаются, что они заснули.

Язык засвидетельствовал близость и сродство означенных понятий до осязательной наглядности. Умерших называют:

а) усопшими (успшими, успение) – от глагола спать, усыпить, то есть буквально называют уснувшими, или

б) покойниками – успокоившимися от житейской суеты вечным сном; подобно тому о рыбе говорят, что она заснула, вместо умерла, задохлась. В вышеприведенном месте Краuledворской рукописи Морена усыпила Власлава; малорусы, при известии о чьей-нибудь кончине, говорят: «Нехай з'Богом спочиває!» В англосаксонской поэме о Беовульфе сказано: «wyrn liged swaefed sâre wund» – змей лежит, спит (вместо издох), тяжело раненный⁹⁴.

В Смоленской губернии мертвецы называются «жмурики» (от глагола жмурить – закрывать глаза), то есть сомкнувшие свои очи; в Архангельской губернии существует поверье: кто засыпает тотчас, как ляжет в постель, тот долго не проживет; у литовцев была примета: когда молодые ложились в первый раз вместе, то кто из них засыпал прежде –

---

⁹⁴ Номис, 8; Опыт сравнит. обозр. др. памятн. нар. поэзии, II, 20. Итал. *cimiterio*, фр. *ciemeterium*, греч. χοίμετηριον (от χοίμαω – дремлю, сплю) – кладбище = усыпальница – Тишкевича: Курганы в Литве и Зап. Руси, 141.

тому и умереть суждено раньше. Сербь не советуют спать, когда заходит солнце, чтобы вместе с умирающим светилом дня не заснуть и самому вечным сном.

Слово «отемнеть» употребляется в народном говоре в значении ослепнуть и умереть; согласно с этим свидетельством языка, упырей (мертвецов, являющихся по смерти) большею частью представляют слепыми. Как сон сближается с смертью, так, наоборот, бодрствование уподобляется жизни; поэтому жилой означает неспящего, например: «мы приехали на жилых», то есть мы приехали, когда еще никто не спал; глагол жить употребляется в некоторых местах в смысле бодрствовать, не спать⁹⁵. В причитаниях, обращаемых к покойникам, слышатся такие выражения: «И вы, наши роднинькие, встаньте, пробудитесь, поглядите на нас!» или «Пришли-то мы на твое жицье вековешное, ужь побудзиць-то пришли от сна крепкова»⁹⁶.

Эти данные, свидетельствующие о братстве сна и смерти, и то верование, по которому душа во время сна может оставлять тело и блуждать в ином мире и видеть там все тайное, послужили основанием, почему сновидениям придано вещее значение. Для живой и впечатлительной фантазии наших предков виденное во сне не могло не иметь прямого отношения к действительности, среди которой так много было

---

⁹⁵ Обл. сл., 57–58; Вест. Р. Г. О. 1852, V, 59; Маяк, XIII, 44–58; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 34; Рус. сл. 1860, V, ст. Костомаров, 25.

⁹⁶ Сахаров И, 23; Терещ., III, 102; Этаногр. сб., I, 161.

для них непонятного, таинственного, исполненного высшей, священной силы. Они признали в сновидениях то же участие божества, какое признавали в гаданиях и оракулах; сновидения являлись как быстролетные посланники богов, вещатели их решений. Славяне до сих пор сохранили веру в пророческий смысл снов; таких, которые бы, по примеру сказочного богатыря Василия Буслаева, не верили ни в сон, ни в чох, а полагались бы только на свой червлёный вяз⁹⁷, в старое время бывало немного, и христианские проповедники вынуждены были поучать народ не доверять сонным мечтаниям⁹⁸. У черногорцев если жена видела во сне, что муж ее подвергнулся какой-либо опасности, то этот последний непременно отложит задуманное им предприятие⁹⁹. В наших народных песнях есть несколько прекрасных поэтических рассказов, содержанием которых служит «вера в сон». Приведем примеры.

Как по той ли реке Волге-матушке,
Там плывет, гребет легкая лодочка.
Хорошо лодка разукрашена,
Пушкам, ружьям изстановлена;
На корме сидит асаул с багром,
На носу стоит атаман с ружьем,
По краям лодки добры мблодцы.

---

⁹⁷ Кирша Данилов, 169.

⁹⁸ Изв. Акад. наук, III, 97.

⁹⁹ Зап. мор. офицера Броневск., III, 277.

Добры молодцы – все разбойнички;
Посередь лодки да и бел шатер,
Под шатром лежит золота казна,
На казне сидит красна девица,
Асаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница.
Она плакала, заливалась,
Во слезах она слово молвила:
Нехорош вишь сон ей привиделся —
Расплетался коса русая,
Выплетался лента алая,
Лента алая, ярославская,
Растаял мой золот перстень.
Выкатался дорогой камень:
Атаману быть застрелену,
Асаулу быть поиману,
Добрым молодцам быть повешенным,
А и мне-то, красной дѣвице,
Во тюрьме сидеть, во неволюшке¹⁰⁰.

Потеря обручального кольца, по народной примете, – худой знак, вещающий расторжение брака и любовной связи; распущенная коса – символ печали по усопшему другу или родичу.

Другая песня:

Ох ты, мать моя, матушка,

---

¹⁰⁰ Варианты этой песни см. у Сахарова, I, 204, 224.

Что севоднешну ноченьку
Нехорош сон мне виделся:
Как у нас на широком дворе
Что пустая хоромина —
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися;
На печище котище лежит,
По полу ходит гусыня,
А по лавочкам голуби,
По окошечкам ласточки,
Впереди млад ясен сокол.

Пустая хоромина – чужая сторона, углы опали и бревна раскатились – род-племя отступилось, кот – свекор, гусыня – свекровь, голуби – деверья, ласточки – золовки, ясен сокол – жених¹⁰¹. В Слове о полку Игореве встречается следующий рассказ о вещем сне князя Святослава: «А Святславь мутен сон виде: в Киеве на горах си ночь с вечера одевахте мя, рече, чрною паполомою, на кровати тисов; чрпахуть ми синее вино с трудом смешено; сыпахуть мя тщими тулы поганых тльковин великий женчюг на лоно, и негуют мя; уже дьскы без кнеса в моем тереме златовресем Всю ночь с вечера бо-

---

¹⁰¹ О. 3. 1851, VII, ст. Буслаева, 41; см. Срп. н. пјесме, II, № 47; Белорус. песни Е. П., 52; Вест. Евр. 1818. II, 50–52. Приснился молодцу сон, говорит песня: упали на его дом пчелы, а на подворье – звезда и выпорхнула со двора кукушка. Пчелы предвещают печаль (их мед необходим при поминальных обрядах), звезда – рождение дитяти, а отлет кукушки – смерть матери. Есть поговорка: «Страшен сон, да милостив Бог».

суви врани възгряху»¹⁰².

Сон Святослава состоит из ряда печальных примет: черный покров и карканье ворона предзнаменуют грядущее несчастье; терем без кнеса означает лишение членов семейства, жемчуг – слезы; вино, смешанное с горем, напоминает выражение «упиться горем»¹⁰³. Тот же предвещательный смысл придается сновидениям и в скандинавских сагах, и в Нибелунгах, и в Одиссее (песнь XIX). Греки и римляне присваивали снам религиозный характер и верили, что спящий человек может находиться в сношениях с невидимым миром; по случаю благоприятных сновидений у них совершались празднества, а по случаю страшных – очищения¹⁰⁴.

И сон, и смерть были признаваемы славянами, как и другими индоевропейскими народами, за живые мифические существа. Следы такого олицетворения сна замечаем в колыбельных песнях:

Ой, ходить Сон по улоныце,
В белесонькой кошулоныце,
Слоняетця, тыняетця,
Господыньки пытаетця¹⁰⁵.

Или:

---

¹⁰² Рус. Дост., 116–122

¹⁰³ Ж. М. Н. П. 1836, т. X, 466, ст. Максимовича.

¹⁰⁴ Обзор мнений о смерти, судьбе и проч., 27; D. Myth., 1098–9.

¹⁰⁵ Сборн. укр. песень, 101.

Сон идет по сениям,
Дрема по терему;
Сон говорит:
– Усыплю да усыплю!
Дрема говорит:
– Удремлю да удремлю!¹⁰⁶

Вышеприведенные выражения апокрифа: «пришла Смерть, взяла его душу» – употребительны в русском языке; по народной поговорке: «Смерть ходит по эдям». Кто ленив на подъем, медлителен в исполнении поручений, о том говорят Руси: «его только что́ за Смертию посылать», в Германии: «nach dem Tod senden, en Tod suchen»; о весьма престарелых людях немцы отзываются: «der Tod hat crgessen sie abzuholen» – Смерть позабыла их взять (утащить)¹⁰⁷.

К опасно больному приходит Смерть, становится около его постели и заглядывает ему в очи¹⁰⁸; если кто вдруг, неожиданно вздрогнет – это знак, что ему «Смерць в очи поглядзела»¹⁰⁹. Согласно с злобным, демоническим характером Смерти, на которую (по пословице – на солнце) во все глаза не взглянешь и от которой нельзя ни откупиться, ни

---

¹⁰⁶ Лет. рус. лит-ры, кн. II, 108; ср.: Срп. н. пјесме, I, 192.

¹⁰⁷ D. Myth., 802, 814.

¹⁰⁸ См. сказки о куме-Смерти.

¹⁰⁹ Зап. Р. Г. О. по отдел, этногр., I, 429.

отпиться¹¹⁰, она олицетворялась в образе устрашающем. По мнению античных народов, Mors (Κηρ – смерть в битвах) неумолима и свирепа; зубы ее опаснее клыков дикого зверя, на руках – страшные, кривые когти.

Смерть, говорит Гезиод, черна (лат. mors atra), скрежещет зубами, быстро мчится на войну, хватает падших ратников и, вонзая в тело свои когти, высасывает из них кровь; Эврипид представляет ее крылатою и облеченною в траурную мантию¹¹¹. Русские памятники (старинные рукописи, стенная живопись и лубочные картины) изображают Смерть или страшилищем, соединяющим в себе подобию человеческое и звериное, или сухим, костлявым человеческим скелетом с оскаленными зубами и провалившимся носом, почему народ называет ее курносою. Это последнее представление встречаем у всех индоевропейских народов: кончина человека предает его тлению, и тот образ, в который она изменяет труп, послужил и для воплощения самой Смерти. Так как слово «смерть» женского рода, то, следуя этому указанию, славяне олицетворяют ее женою, подобною Гелле; у немцев же her Tôt, der heilig Tod выступает как злой бог, наравне со всеми богами и духами, она появляется внезапно, неожиданно-негаданно для человека (слетает с небес), изнимает из него душу и увлекает ее в загробный мир. С понятием смерти фантазия соединяет различные поэтические уподоб-

---

¹¹⁰ Вест. Р. Г. О. 1852, V, 39.

¹¹¹ Обзор мнений древн. о смерти, судьбе и жертвопр., 8.

ления: Смерть то жадно пожирает людской род своими многоядными зубами, то похищает души, как вор, схватывая их острыми когтями; то, подобно охотнику, ловит их в расставленную сеть; то, наконец, как беспощадный воин, поражает людей стрелами или другим убийственным оружием. Тот же тип хитрого ловчего и губителя христианских душ присваивается и владыке подземного царства, искустителю Сатане. Вооруженная в ратные доспехи, Смерть вступает в битву с человеком, борется с ним, сваливает его с ног и подчиняет своей власти; судороги умирающего суть последние знаки его отчаянного сопротивления.

Усопшие следуют за нею, как пленники за своим победителем – опутанные крепкими веревками и цепями.

Сказание о Беовульфе смотрит на умершего как на убитого огненной стрелой, пущенной с лука рукою Смерти; немецкие поэты дают ей бич, стрелы и бердыш; литовский Smertis (слово, употребительное и в мужеском, и в женском роде) выезжает на колеснице могучим воином, с копьем и мечом в руках¹¹². С такою же обстановкою является Смерть в русской «Повести о бодрости человеческой», или «О прении Живота с Смертию». Повесть эта принадлежит к разряду общераспространенных в Средние века поучительных сочинений, толкующих о тленности мира, и попадает в во многих рукописных сборниках XVII века¹¹³; она известна и в немец-

---

¹¹² D. Myth., 799, 803–806, 809.

¹¹³ Пам. стар. рус. лит-ры, II, 439–443; Истор. христом. Буслаева, 1355–8.

кой литературе. Составляя у нас любимое чтение грамотного простонародья, она, по мнению исследователей, перешла из рукописей в устные сказания и на лубочную картину и дала содержание некоторым духовным стихам и виршам¹¹⁴.

Но можно допустить и обратное воздействие, т. е. переход устного древнемифического сказания о борьбе Жизни (Живота) и Смерти в старинные рукописные памятники, причем оно необходимо подверглось литературной обработке; соответственно, с воззрениями и приемами грамотников допетровского времени, сказанию придан нравственно-наставительный тон и само оно разукрашено обильными примерами, заимствованными из доступных автору хроник. Смерть лишается своего строго трагического стиля и впадает в хвастливую болтовню о тех богатырях и героях, которых некогда сразила она своею косою. Тем не менее основная мысль повести – борьба Смерти с Жизнью, олицетворение этих понятий и внешние признаки, с которыми выступает эта страшная гостья, бесспорно, принадлежат к созданиям глубочайшей древности. Справедливость требует заметить, что, пользуясь устными преданиями, книжная литература, в свою очередь, не остается без влияния на народное творчество и взятое у него возвращает назад с новыми чертами и подробностями; но эти позднейшие прибавки легко могут быть сняты и не должны мешать правильному взгляду

---

¹¹⁴ Сб. рус. дух. стихов Варенцова. 110–127; Рус. сл. 1859, I, 92–94; Лет. рус. лит-ры, кн. 183–193.

на сущность дела.

Чтобы ярче изобразить непобедимое могущество Смерти, повесть противопоставляет ей не простого слабого человека, но богатыря, славного своею силою и опустошительными наездами, гордого, жестокого и самонадеянного; народная фантазия личность этого богатыря связала с именем известного в преданиях разбойника Аники-воина. Жил-был Аника-воин, жил он двадцать лет с годом, пил-ел, силой похвалялся, разорял торги и базары, побивал купцов и бояр и всяких людей. И задумал Аника-воин ехать в Ерусалим-град церкви Божии разорять, взял меч и копье и выехал в чистое поле – на большую дорогу. А навстречу ему Смерть с острою косою¹¹⁵. «Что это за чудище? – говорит Аника-воин. – Царь ли ты царевич, король ли королевич?» – «Я не царь-царевич, не король-королевич, я твоя Смерть – за тобой пришла!» – «Не больно страшна: я мизинным пальцем поведу – тебя раздавлю!» – «Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на белом свете храбрых могучих богатырей – я всех одолела. Сколько побил ты народу на своем веку – и то не твоя была сила, то я тебе помогала». Рассердился Аника-воин, напускает на Смерть своего борзого коня, хочет поднять ее на копье булатное, но рука не двигается. Напал на него великий страх, и говорит Аника-воин: «Смерть моя, Смерточ-

---

¹¹⁵ Вариант: ездил Аника-воин по чистым полям, по темным лесам, ни никого не наезжал – не с кем силы попробовать. «С кем бы мне побиться? – думает Аника-воин. – Хоть бы Смерть пришла!» Глядь, идет к нему страшная гостья: тощая, сухая, кости голые – и несет в руках серп, косу, грабли и заступ.

ка! Дай мне сроку на один год». Отвечает Смерть: «Нет тебе сроку и на полгода». – «Смерть моя, Смерточка! Дай мне сроку хоть на три месяца». – «Нет тебе сроку и на три недели». – «Смерть моя, Смерточка! Дай мне сроку хоть на три дня». – «Нет тебе сроку и на три часа». И говорит Аника-воин: «Много есть у меня и серебра, и золота, и камня драгоценного; дай сроку хоть на единый час – я бы рóздал нищим все свое имение». Отвечает Смерть: «Как жил ты на вольном свете, для чего тогда не раздавал своего имения нищим? Нет тебе сроку и на единую минуту!» Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина, свалился он с коня и упал мертвый¹¹⁶. Стих об Анике-воине начинается таким изображением Смерти:

Едет Аника через поле,
Навстречу Анике едет чудо:
Голова у него человеческа,
Волосы у чуда до пояса,
Тулово у чуда звериное,
А ноги у чуда лошадиные¹¹⁷.

Косматые волосы и лошадиные ноги – обыкновенные при-

---

¹¹⁶ Н. Р. Лег., 21.

¹¹⁷ Сравни со списком о прении Живота с Смертию: «Живот б человек, и прииде к нему Смерть. Он же устрасися вельми и рече ей: кто ты, о лютый зверь? образ твой страшит мя вельми, и подобие твое человеческое, а хождение твое звериное».

знаки нечистых духов. В тексте лубочной картины Аника называет Смерть бабою: «Что ты за баба, что за пияница (намек на высасывание ею крови) ... аз тебя не боюсь и кривой твоей косы и оружия твоего не страшусь». Кроме косы, Смерть является вооруженною серпом, граблями, пилою и заступом:

Вынимает пилы невидимые,
Потирает ею (ими) по костям и жилам —
Аника на коне шатается,
И смертные уста запекаются.

Или: «Подсече ему (Смерть) ноги косою, и возьм серп — и захвати его за шию, и возьм малый оскордец — и нача отсекаати нозе и руце и вся составы его, и расслабеша жилы его». На лубочных картинах Смерть рисуется в виде скелета с косою в руках; Коровью Смерть (чуму) крестьяне наши представляют безобразною, тощею старухою в белом саване и дают ей косу или грабли¹¹⁸. Такая обстановка прямо вытекла из метафорических выражений древнейшего языка, который сравнивал губительную силу смерти с понятиями, самыми близкими и доступными земледельцу и плотнику: Смерть косит и загребает человеческие жизни, как коса и грабли полевую траву; жнет род человеческий, как серп колосья («яко незрелую пшеницу»)¹¹⁹; она как бы вынимает незримую пилу и,

---

¹¹⁸ Сахаров, II, 10; Кулиш, I, 305; Быт подолян, I, 16. Дифенбах сближает слова: гроб, гребу и грабли.

¹¹⁹ То же сравнение находим и у немцев. — D. Myth., 808.

потирая ею по костям и станovým жилам, расслабляет человека – и он падает, словно подпиленное дерево; наконец, Смерть, работая заступом, роет людям свежие могилы.

Выше мы привели поэтические сравнения поля битвы со вспаханною и засеянною нивою и молотильным током. По указанию Слова о полку и народных песен, в битве земля засеивается не пшеницею, а костями ратников, поливается не дождем, а кровию и растит не хлебные злаки, а печаль и общее горе. Современный язык удерживает выражение: сеять раздоры, вражду и крамолы; в Слове о полку сказано: «...тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшетъ усобицами»¹²⁰. Одину, как богу кровопролитных войн, приписывались посевы раздоров и неприязни; бросая свое копье (Gûngnir) или потрясая им, он умерщвлял вражеских воинов. О Смерти, играющей в сражениях главную роль, у немцев было выражение, что она засеивает между людьми свое семя, как бы зловредную траву: «dô der Tôt sihen sâmen under si gesaete»; то же говорилось и о черте¹²¹. По словам старинных русских летописцев, дьявол сетовал или радовался, смотря по тому, примирялись ли князья или враждовали между собою. «Усобная рать, – замечает Нестор, – бывает от соблажненья дьяволя. Бог бо не хочет зла человеком, но блага; а дьявол радуется злему убийству и кровопролитью, подви-

---

¹²⁰ Рус. Дост., III, 76.

¹²¹ D. Myth., 806–8, 964.

зая свары и зависти, братоненавиденье, клеветы»¹²².

Понятно, что Смерть, поражающая ратников в бою, стала представляться владеющею всеми теми воинскими орудиями, какие только знала старина: в наших памятниках ей даются меч, сечиво, стрелы, ножи, рожны, оскорды¹²³. Сказание о прении Аники-воина с Смертию перешло в народное драматическое представление, какое еще теперь разыгрывается в некоторых артелях фабричных¹²⁴, подобно тому как миф о борьбе лета и зимы передается в Германии с всею сценическою обстановкою на празднике весны. Борьба Жизни и Смерти, лета и зимы, дня и ночи совершенно тождественна по значению, ибо понятия эти издревле сливались и в языке, и в народных верованиях. Зима называлась Мораною, а богиня лета – Живою (Живаною) – имя, знаменующее жизнь. Как царица зимы и ночного мрака, Смерть роднится с горными великанами; вышеприведенный стих присвоает ей название чуда, и самое жилище ее помещается в холодных странах севера, в недрах бесплодных и покрытых вечными снегами скал; в Богемии ее считают владычицей гор¹²⁵.

Всесильная, всеистребляющая, она, тем не менее, бывает побеждаема с приходом весны богинею жизни и, повержен-

---

¹²² П. С. Р. Л., 1, 56, 72, 139 и др.

¹²³ См. между прочим житие Василия Нового и сказание Феодоры о мытарствах.

¹²⁴ Рус. Архив, 1864, X, 1093–1099.

¹²⁵ D. Myth., 807

ная наземь, заключается в оковы. С другой стороны, миф, сроднивший представления грозы и мрачных туч с адом и нечистою силою, признавший в молниях смертоносные стрелы владыки подземного царства, изображает Смерть как разрушительное существо, сопутствующее богу-громовнику в его весенних походах и битвах. В дикой охоте Одина, в неистовом, бешеном воинстве этого славного отца побед (т. е. в шуме бурных гроз), вместе со злыми духами и толпою усопших душ, выступает и костлявая, прожорливая Смерть. Таким образом, с олицетворением Смерти соединяется тот же стихийный характер, что и с демонами и мертвецами. Отсюда объясняются ее воздушные полеты, ее быстрое появление и исчезание, метание ею огненных стрел (молний) и вообще присвоенное ей обладание ратным оружием.

Подобно ветрам и выюгам, которых Эол заключает в облачные меха или держит на крепких привязях в горе-туче, подобно грозовому демону (Cushna, Локи, Сатана), сидящему в цепях во мраке преисподней, Смерть испытывает ту же участь. Здесь сходятся два различных воззрения:

а) как представительница зимы, Морана побеждается весенним Перуном, который разит ее своим кузнечным молотом (заковывает ее в цепи) и на все летнее время низвергает в подземную темницу ада;

б) как демон, шествующий в грозе, она заключается в ту же темницу на все время зимних стуж, налагающих на тучи железные (ледяные) оковы. По греческому преданию, Зевс,

желая покарать Сизифа (Συμφος, Σίδυφος), послал за ним Смерть, но тот опутал ее крепкими узами, и пока она была связана – никто не умирал в целом свете; наконец явился воинственный Арес, освободил пленницу и предал ей нечестивого врага¹²⁶.

По свидетельству немецкой сказки, Spielhansel привязал Смерть к дереву и в продолжение семи лет она оставалась узницею и не могла похитить ни единой души человеческой¹²⁷. Миф этот развивается и в русской сказке¹²⁸. Явился солдат на тот свет, и поставил его Господь на часах у пресветлого рая. Приходит Смерть. «Куда идешь?» – спрашивает часовой. «Иду к Господу за повелением, кого морить мне прикажет». – «Погоди, я спрошу». Пошел и спрашивает: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» – «Скажи ей, чтобы три года морила самый старый люд». Солдат думает: «Эдак, пожалуй, она отца моего и мать уморит; ведь они старики». Вышел и говорит Смерти: «Ступай по лесам и три года точи самые старые дубы». Заплакала Смерть и побрела по лесам, три года точила старые дубы, а как изошло время – воротилась к Богу за новым повелением. Господь приказал морить молодой народ, и солдат думает: «Эдак, пожалуй, она братьев моих уморит!» – и передал приказ Смерти, чтоб она шла по тем же лесам и целых три года точила все молодые

---

¹²⁶ Griech. Myth., II, 76.

¹²⁷ D. Myth., 814.

¹²⁸ Н. Р. Лег., 16.

дубы. Пошла Смерть по лесам, принялась точить молодые дубы, а как исполнилось три года – идет опять к Богу, едва ноги тащит. Обманул ее солдат и в третий раз: Господь приказал морить младенцев, а солдат передал «Ступай по лесам и целых три года гложи малые дубки». По исходе последних трех лет идет Смерть к Богу – чуть живая, так от ветру и валится. «Ну, – думает, – теперь хоть подерусь с солдатом, а сама дойду до Господа: за что Он девять лет меня наказует?» Узнал Господь, как хитрил солдат, и повелел ему в наказание девять лет носить Смерть на плечах. Засела Смерть на солдата верхом; повез ее солдат, вез-вез и умирался, вытащил рог с табаком и стал нюхать. «Служивый, – говорит Смерть, – дай и мне понюхать». – «Полезай в рог, да и нюхай, сколько душе угодно». Только что влезла она, солдат тотчас закрыл рог, заткнул его голенище, воротился и стал на старое место на часы.

Этот эпизод варьируется еще так: велел Господь солдату кормить Смерть орехами, чтоб она поправилась. Солдат пошел с нею в лес и заспорил «Ты-де не влезешь в пустой орех!» Смерть сдуру и влезла, а солдат заткнул дыру в орехе и спрятал его в карман. Господь освободил Смерть и приказал ей уморить солдата. Стал солдат готовиться к последнему концу, надел чистую сорочку и притащил гроб. «Готов?» – спрашивает Смерть. – «Совсем готов!» – «Ну, ложись в гроб». Солдат лег спиной кверху. «Не так!» – говорит Смерть. Солдат лег на бок. «Ах, какой ты! разве не ви-

дал, как умирают?» – «То-то и есть, что не видал!» – «Пусти, я тебе покажу». Солдат выскочил из гроба, а Смерть легла на его место. Тут солдат ухватил поскорее крышку, накрыл гроб, наколотил на его железные обручи и бросил пойманную Смерть в море. И долго-долго носилась она по волнам, пока не разбило гроба бурей. По другому рассказу, хитрый солдат сажает Смерть в торбу (или ранец), завязывает крепко-накрепко и вешает эту торбу на верхушку высокой осины. С этой самой поры перестал народ помирать: рождаться – рождается, а не помирает! Много лет прошло, солдат все торбы не снимает. Случилось раз зайти ему в город; идет, а навстречу ему древняя старушонка: в которую сторону подует ветер – в ту и валится. «Вишь какая старуха, – сказал солдат, – чай, давно уж умирать пора!» «Да, батюшка! – отвечает старуха. – Мне давно помереть пора; еще в тое время, как посадил ты Смерть в торбу, оставалось всего житья моего на белом свете только единый час. Я бы и рада на покой, да без Смерти земля не примает, и тебе, служивый, за это от Бога непрощенный грех, ведь не одна душа на свете так же мучится!» «Видно, – думает солдат, – надо выпустить Смерть»; пошел в лес – прямо к осине – и видит: висит торба высоко и качает ее ветром в разные стороны. «А что, Смерть, жива?» Она из торбы едва голос подает: «Жива, батюшка!» Снял солдат торбу, развязал и выпустил Смерть; как только очутилась она на свободе, тотчас – подавай бог ноги! – и бросилась бежать от солдата.

Точно так же обманывают сказочные герои дьявола, заставляя его влезать в червивый орех или в суму; самая Смерть представлена в сказке такою же простоватою, недогадливою и прожорливою, какими изображаются обыкновенно великаны, драконы и черти; вместе с тем народный юмор, замеченный нами в обработке старинных преданий о великанах и демонах, овладел и мифом о побежденной Смерти. Рог, дума и гроб, окованный железными обручами, – все это метафоры грозowych туч; в близкой связи с этими представлениями стоит и ореховое дерево, истари посвященное громовнику По своей стихийной природе Смерть, подобно эльфам, облачным женам и чертям, участвует в бешеной воздушной пляске и в диких песнях завывающей бури; нередко она показывается, наигрывая на музыкальном инструменте – дудке или скрипке¹²⁹. Отсюда средневековая поэзия и живопись западных народов создали превосходное изображение Смерти: в свою неистовую пляску она увлекает представителей всех сословий, от короля до нищего, и, быстро кружась с ними под звуки ужасающей песни, уносит их души в темные области загробного царства.

Согласно с указанным отождествлением Смерти с грозowymi духами, древнее верование заставило этих последних исполнять ее печальную обязанность. Но так как громовник и его спутники являлись и устроителями небесного царства (весеннего рая), и с демоническим характером властителей

---

¹²⁹ D. Myth., 807–9.

ада, то понятие о Смерти раздвоялось, и фантазия изображала ее то существом злым, увлекающим души в подземный мир, то посланницею верховного божества, сопровождающею души усопших героев (позднее – праведных) в его небесный чертог. Так, Один посылал валькирий принимать падших витязей и возносить их в свое блаженное жилище – в валгаллу. Греки верили, что души умерших препровождались на тот свет Гермесом, скорым посланником богов и обладателем чудесного жезла, прикосновением которого он повергал живых в непробудный сон. Кроме того, смерть представлялась греками не только страшною Керою, но и в образе прекрасного, кроткого и юного гения – *θάνατός* (слово, родственное по корню с немецким *Tod*), хотя и ему придавались эпитеты черного и чернокрылого: всем страждущим он дает вечное успокоение и всех утомленных житейскими трудами и невзгодами погружает в тихий и сладкий сон. *θάνατός*, очевидно, совпадает с понятием о сне, благодетельном даре богов, дружелюбном успокоителе мира, кротко веющем над морями и сушей. Античное искусство изображало Сон дитятею и юношею, с крыльями орла или бабочки¹³⁰. В христианскую эпоху это двоякое воззрение на Смерть, как на существо с иной стороны – злое, демоническое, а с другой – светлое, Божественное, было перенесено на ангелов: милостивых и грозных, смешанных в народных преданиях с эльфами – и светлыми, и черными. Такое перенесение совер-

---

¹³⁰ D. Myth., 800–1; Griech. Myth. Преллепа, I, 656–8.

шилось под влиянием ветхозаветных сказаний о страшном ангеле смерти, который впоследствии признан был за князя тьмы; он нисходил изымать души грешников; для добродетельных же людей являлся тихий ангел и прекращал их жизнь прощальным поцелуем. Немецкие саги рассказывают о двух ангелах: добром и злом, – обходящих землю и предающих людей смерти¹³¹. Народный русский стих так изображает кончину праведного и грешника¹³²:

Ссылает Господь Бог святых ангелов,
Тихи их ангелов, всемилостивых,
По его по душеньку по Лазареву.
Вынимали душеньку честно и хвально,
Честно и хвально в сахарны уста,
Да приняли душу на пелену,
Да вознесли же душу на небеса...
Сослал Господь грозных ангелов,
Страшных, грозных, немилостивых,
По его душу по богачеву;
Вынули его душеньку нечестно, нехвально,
Нечестно, нехвально, скрозь ребер его,
Да вознесли же душу вельми высоко,
Да ввергнули душу во тьму глубоко,
В тое злую муку – в геенский огонь.

---

¹³¹ D. Myth., 814, 1134.

¹³² Ч. О. И. и Д., год 3, IX, 183–5, 208, 211; Лет. рус. лит-ры, т. V, отд. 3, 83.

Та же мысль выражена и в народной легенде¹³³: праведник умирает окруженный семьею; лежа на одре болезни, он дает своим сыновьям и снохам родительское наставление и навеки нерушимое благословение и прощается со всеми; Смерть является к нему с ангелами, вынимает душу, и ангелы относят ее на золотом блюде в пресветлый рай. Грешник же умирает посреди житейских забот и веселья: Смерть приходит неожиданно-негаданно и ударяет его в голову тяжелым молотом. Грозных, немилостивых ангелов часто заменяют дьяволы, которые схватывают душу грешника как свою добычу. Сербская легенда¹³⁴ повествует о святом архангеле, который поражал смертных: одного человека он иссек в куски, другого ударил ножом три раза, а на третьего только замахнулся – как он уже умер. По словам архангела, «у оног е првог човека душа грешна на неће да изаће из тела, зато сам га свега исекао; док самь е истерао. У оног другог човека душа е мало безгрешнија, зато самь га трипут ударно. А душа овог треће човека са свим е праведна, зато сам на ню само замахнуо, а она мени те у недра сама ускочи».

Выше было приведено свидетельство духовного стиха, что архангел Михаил перевозит души праведных через огненную реку. По мнению болгар, он, принимая душу усопшего, несет ее в мытарства и передает другим ангелам, а сам возвращается за другими душами; души грешников он схватывает

---

¹³³ Н. Р. Лег., 25.

¹³⁴ Србскій летопис, 1862, 1, 150–1.

вает за волосы, а праведных обнимает, как мать своего младенца. Прежде эта обязанность была возложена на архангела Гавриила. Однажды послал его Господь взять душу бедняка, у которого было много детей. Гавриил сжалился над ними и воротился, не исполнив приказания: «Как уморить его, Господи! ведь у него малые детки; они, несчастные, погибли от голода!» Бог разгневался, взял у Гавриила меч и отдал его архангелу Михаилу. Но и Михаил, посланный предать смерти доброго семьянина, видя, как вокруг больного все проливали горькие слезы, почувствовал сострадание, воротился к Богу и сказал «Мне жалко поразить этого человека!» Тогда Господь завязал ему уши; архангел спустился на землю и взял душу, потому что не мог слышать ни плача, ни сетований¹³⁵. Перед Смертью напрасны человеческие мольбы и рыдания; она глуха к ним, и эту неумолимость ее поэтическая фантазия болгар изображает тем, что Смерть является к людям с завязанными ушами. Русская легенда¹³⁶ рассказывает об ангеле, который в наказание за то, что не хотел взять души одной матери, должен был три года жить на земле. Родила баба двойню, и посылает Бог ангела вынуть из нее душу Ангел прилетел к бабе; жалко ему стало двух малых младенцев, не вынул он обреченной души и полетел назад к Богу. «Что, вынул душу?» – спрашивает его Господь. «Нет, Господи! у той бабы есть два младенца; чем же они станут

---

¹³⁵ Каравел., 267.

¹³⁶ Н. Р. Лег., 26; Slov. pohad., 502–7.

питаться?» Бог взял жезло, ударил в камень и разбил его надвое, указал в трещине двух червей и провещал «Кто питает этих червей, тот пропитал бы и двух младенцев!» И отнял Бог у ангела крылья и осудил его в течение трех лет вести земную жизнь.

Наряду с легендами и стихами об ангелах смерти возникли средневековые сказания о борьбе ангелов и чертей за обладание душою усопшего; сказания эти известны и у немцев, и у славян. По свидетельству немецких памятников, во главе ангелов выступает архангел Михаил, как проводник душ в райские селения¹³⁷. По нашим преданиям, при одре умирающего присутствуют и спорят за его душу ангел-хранитель и дьявол; если добрые дела человека перевешивают злые, то ангел-хранитель прогоняет дьявола копьем, а если перевешивают злые дела – то ангел удаляется с плачем.

В числе других представлений Смерти особенную поэтическую свежестью дышит то, где она является невестою. Этот прекрасный образ объясняется из старинных метафорических выражений, уподоблявших кровавую битву свадебному пиршеству, а непробудный сон в могиле – опочиву молодых на брачном ложе. Умирая от ран, добрый молодец, по свидетельству русской песни, наказывает передать своим родичам, что женился он на другой жене, что сосватала их сабля острая, положила спать калена стрела. Когда Смерть сражает цветущего юношу, она (выражаясь поэтиче-

---

¹³⁷ D. Myth., 796–7.

ским языком) сочетается с ним браком.

В сборнике «Westslawischer Märchenschatz»¹³⁸ есть любопытный рассказ, как один богатый юноша напрасно искал невесту, которая пришлась бы ему по сердцу. Раз встретил он прекрасную девицу в белом платье. «Куда идешь ты?» – спросила его красавица. «Ищу невесту по сердцу и об одном только прошу Бога, чтобы хотя единый час мог насладиться любовью, прежде чем умру». «Юноша, – сказала она, – я согласна быть твоею женою». Обрадованный и влюбленный, он повел ее в свой дом. Но когда прошел час времени, прекрасная невеста вдруг превратилась в старое и беззубое привидение: это была – Смерть. «О, неверная соблазнительница! ты меня обманула», – воскликнул жених. «Не я, а ты обманул сам себя! – возразила страшная гостья. – Ты обещал быть моим, и я беру тебя с собою». Она взмахнула острой косою, и юноша пал мертвый.

Болезни рассматривались нашими предками как спутницы и помощницы Смерти, а повальные и заразные прямо признавались за самую Смерть, и ни в чем так ярко не выступает стихийное значение этой древней богини, как в народных преданиях и поверьях о различных недугах. Немецкая легенда рассказывает, что одному юноше обещалась Смерть прежде, чем возьмет его душу, прислать своих послов, и он зажил весело и разгульно, не помышляя о последнем конце. Но вот он состарился и за ним явилась

---

¹³⁸ С. 143–4.

Смерть. На упрек, что она не исполнила своего обещания, Смерть отвечала: «Как, я не посылала к тебе моих послгов? Разве не трясла тебя лихорадка, разве ты не чувствовал головокружения, лома в костях, зубной боли, ослабления зрения и глухоты?»¹³⁹

Славянские названия болезней соединяют с ними мысль о карающем божестве: bogine – оспа, boža rana – язва, чума, božj bic или boža moc (Божья сила) – падучая, бешенство, boža ruka – паралич; сравни: нем. der gotesslac, die gewalt gottes, die hand gottes (schlagfl uss, apoplexia) – названия, указывающие на быстрый, внезапный род смерти, в противоположность тем болезням, которые сводят человека в могилу только после продолжительных мучений. В русских областных говорах: божье, или божья немочь, – падучая; божья – эпидемия («божья ходит»); одержимых припадками беснования и помешанных называют божевольными и божегневыми, что свидетельствует за древнейшее воззрение на болезнь как на Божью волю и Божий гнев¹⁴⁰.

Индусы изгоняли прокаженных из касты и лишали права владеть собственностью, так как эти несчастные поражены «Божьим гневом». В Европе долгое время верили, что каждая язва есть заявление Божественного гнева и требует всенародного покаяния. Изувеченных и калек называют: убо-

---

¹³⁹ Сказки Гримм, 177; Гальтрих, с. 62.

¹⁴⁰ О влиянии христ. на слав. яз., 123; Обл. сл., 12; Доп. обл. сл., 10; Москва, 1852, XXIII, 72; D. Myth., 1109–1110.

гий, ubożatko; малоросс. небѣжчик, польск. nieboszczyk – покойник, то есть как бы отвергнутый светлыми богами, постигнутый небесною карою¹⁴¹.

Далее, мы имеем положительные свидетельства языка, что болезни причислялись некогда к сонму нечистых духов. Областной словарь представляет тому обильные примеры: стрел – черт и стрелы – колотье: «пострел бы тебя побрал!», чемор – дьявол («поди ты к чемору!») и чéмер – спазмы в животе или боль в пояснице, а чéмерь – головокружение, страдание живота и болезнь у лошади; игрец – истерический припадок, кликушество и дьявол; худоба – сухотка, истощенность, худобище – конвульсии в тяжелой болезни, худая боль – сифилис, сибир. «в худых душах» – при смерти и худой – злой бес; черная немочь (не-мощь = не-дуг; мощный и дюжий – сильный, здоровый) – паралич, черна́ – скотская чума, черная смерть – мор, опустошавший Русскую землю в 1352 году (при Симеоне Гордом), и черный – эпитет нечистого духа, черный шут – дьявол; лядить – долго хворать, лядить – томиться, изнывать, хиреть, лядащий – бессильный, больной, негодный и ляд – черт: «ну те к ляду!» У белорусов лядашник – дух, причиняющий людям порчу: «лядашник перелецеу яму́», то есть он стал полоумным, сумасшедшим; сравни: бес, беснующийся, бешенство и чеш. besny pes (бешеная собака).

Входя в человека или животное, демон порождает в нем

---

¹⁴¹ Старосв. Банд., 411; Обл. сл., 236.

болезненные припадки и безумную ярость; подобное же действие, производимое ядовитыми растениями, также приписывалось демонам: *euphorbia* называется у славян – бесово молоко, у немцев – *teufelsmilch*, *atropa belladonna* – бешеная вишня и т. д. Ворогуша – лихорадка и враг (ворог) – дьявол, лихобой – злой дух и болезнь у лошадей, старинное лихновець (в Святославовом изборнике) – сатана, лихорадка (лихоманка, лиходейка), лихота – нездоровье, немощь, лиховать – быть нездоровым, чувствовать тошноту; тоснуть – болеть, скучать и тошная – нечистая сила, шатун – черт и шат – обморок, головокружение, болезнь у собак; вологод «тяжкая пришла», то есть посетила болезнь, и тяжкун или тяжелой в значении дьявола; икота (икотка) – болезненный припадок и человек, одержимый бесом, икотница – страдающая икотой; притка – падучая и всякий неожиданный, нечаянно приключившийся недуг («чтоб тебя разопритчило!», «мне на таком-то месте попритчилось!»), а следующие выражения: «экая притка принесла!», «притка его ведат, откуда он!» – указывают на демона; сравни: «кой черт тебя принес!», «черт его ведает!». Лишай – гнойный струп на голове и дьявол¹⁴².

Тесная связь нечистой силы с болезнями, расслабляющими тело человеческое, подтверждается и следующими названиями: облом (от ломать) – дьявол, домовой; костолом

---

¹⁴² Обл. сл., 28–29, 42, 73–74, 104, 108, 134, 179, 218, 231, 235, 251; 256–7, 263; Доп. обл. сл., 102: Приб. к Изв. Акад. наук 1853, 183; Этногр. сб. I, 176–7; Год на Севере, Максимова, II, 463; Материалы для истории письменности, ст. Буслаева, 8; Громанн, 8.

и кождер – злой человек, леший, черт; в числе болезненных ощущений известен и лом в костях¹⁴³. В апокрифической статье «Свиток Божественных книг» повествуется, что Господь, создавши тело первого человека, «пойде на небеса по душу Адамову; сатана же, не ведая, что ему сотворити, и тну тело Адамово перстом. И приде Господь ко Своему созданию, и виде тело Адамово, и рече: о дьяволе! что ты сотворил? Отвещав же дьявол Господи! забудет тебя сей человек; (но) аще у него что заболит, тогда Господа вспомянет. И Господь обрати (болезнь) Адаму внутрь, и оттого во всяком человеце... болезнь сотвори сатана; аще у кого поболит, тогда и вздохнет о Господе: помилуй мя!»¹⁴⁴ В другом апокрифе – в «Сказании, како сотвори Бог Адама»¹⁴⁵ – читаем: создал Бог первого человека из восьми частей, «и пойде очимати от солнца и остави Адама единого лежаща на земли. Прииде же окаянный сатана ко Адаму и измаза его калом и тинном и възгрями. И прииде Господь ко Адаму и восхоте очивложить, и виде его мужа измазанна, и разгневался Господь на диявола и нача глаголати: окаянне дияволе, проклятый! не достоин ли твоя погибель? что ради человеку сему сотворил еси пакость – измаза его? и проклят ты буди! И диявол исчезе, аки молния, сквозь землю от лица Господня. Господь же снем с него пакости сатанины и смесив со Адамовыми

---

¹⁴³ Обл. сл., 133; Библ. для Чт. 1848, X, 122.

¹⁴⁴ Рус сл. 1862, II, ст. Пыпина, 55.

¹⁴⁵ Пам. стар. рус. лит-ры, III, 12–13.

слезами, и в том сотвори собаку, и постави собаку и повеле стрещи Адама; а сам отиде в горний Иеру салим по дыхание Адамлево. И прииде вторые сатана и восхоте на Адама напустить злую скверну, и виде собаку при ногах Адамлевых лежащу, и убояся вельми сатана. Собака начала зло лаяти на диавола; окаянный же сатана взем древо и истыка всего человека Адама, и сотвори ему 70 недугов». Бог помиосердовал об Адаме, прогнал Сатану и обратил все недуги внутрь человеческого тела.

В народной легенде о Сотворении мира и потопе¹⁴⁶ сказано, что собака первоначально была создана голою и что дьявол соблазнил ее, угрожая зимними морозами и обещая ей теплую шубу (то есть шерсть); собака подпустила дьявола к первосозданному человеческому телу, а тот оплевал и охаркал его¹⁴⁷.

В связи с этими апокрифическими сказаниями должна быть поставлена и повесть о скверном бесе, занесенная в раскольничьи рукописи и на лубочную картину. Некий святой старец увидел в пустыне беса, от головы до ног оскверненно-

---

¹⁴⁶ Н. Р. Лег., 14.

¹⁴⁷ Предание это перешло и к мордве (Рус. Вест., 1867, IX, 229), и к черемисам: Юма, создавши человеческое тело, отправился творить душу, а к телу приставил пса, который тогда еще не имел шерсти. Злой Кереметь произвел такой холод, что пес едва не замерз, потом дал собаке шерсть и, допущенный к человеку, охаркал его тело и тем самым положил начало всех болезней. – Вест. Р. Г. О. 1856, IV, 282: Этногр. сб., V, роспись Межова, 41. Собака олицетворяет здесь стихийные силы природы, на что указывает и создание ее из слез, слюны и мокрот (древнейшие метафоры дождя).

го блудным гноем. «И рече ему старец: да почто не омылся еси в реце или в источнике? Он же рече: не велит ми вышний Бог... повелевает ангелу водному отгоняти нас; он же оружием огненным прогоняет нас. Старец рече ему: да где можешь измыться? Бес рече: пойду в христианские дома, и где обрящу сосуды непокровенны, ту вниду и измыюся; они же после мене примут болезни тяжки – и кашлеве, и трясовицы, и иныя скорби»¹⁴⁸. Сосудов и кринок с напитками и кушаньями не советуют оставлять непокрытыми, опасаясь, чтобы нечистая сила не осквернила их; если нечем покрыть, то должно по крайней мере перекрестить или положить сверху две лучины накрест.

Народная легенда¹⁴⁹ рассказывает о черте, который засел в кувшин с водою, оставленный на ночь без этих предосторожностей. По ночам, так как в это время злые духи бывают особенно деятельны, не следует пить воды, тем более не благословляясь, иначе наживешь «водяную»¹⁵⁰. Итак, болезнь есть дело враждебного демона: нападая на человека, он касается его своею рукою, наносит ему гнойные раны, оскверняет его тело нарывами, вередрами, сыпями, нередко даже поселяется в нем, грызет и мучит его различными муками. Верова-

---

¹⁴⁸ Лет. рус. лит-ры, т. V, отд. 3, 89–90.

¹⁴⁹ Н. Р. Лег., 19.

¹⁵⁰ О. 3. 1848, V, ст. Харитонова, 24. О страдающих запоем простолюдины думают, что они проглотили маленького чертика, когда тот плавал в рюмке вина. – Киевлян., 1865, 57.

ние это принадлежит глубочайшей древности и встречается у всех индоевропейских народов. По мнению индусов, всякая зараза и смертность насылались на людей и стада Вритрою и подвластными ему демонами; зендская отрасль арийского племени приписывала создание болезней Ариману.

Atharva-Веда олицетворяет лихорадочный недуг (такман); его проклинают, гонят, вызывают из страждущего тела, и когда ничто не помогает, то кланяются ему как божеству и молят, чтобы он пощадил больного или поискал себе иного нечестивого человека. Силою чародейных заклятий колдуны могли не только изгонять болезни (amīva), но и напускать их на своих врагов¹⁵¹.

Гомер¹⁵² приписывает тяжкие недуги прикосновению злого демона; и в античном мире, и в Средние века умопомешательство и падучую болезнь объясняли нападением нечистого духа¹⁵³. Относительно славян подобное воззрение на болезни засвидетельствовано еще Нестором; рассказывая о Святополке (под 1019 годом), летописец выражается так: «... и бежащую ему, нападе нань бес – и расслабеша кости его, не можаше седети (на коне), и несяхуть и на носилех. Принесоша и к Берестью, бегающе с ним; он же глаголаше: побегнете со мною, женуть по нас! Отроци же его всылаху противу: еда кто женеть по нас? – и не бе никого же в след гонящего, и

---

¹⁵¹ Громанн., 147–8.

¹⁵² Одис, V, 395–6.

¹⁵³ Москв. 1853, XXIV, 195.

бежаху с ним; он же, в немощи лежа, всхопився глаголаше: о се женуть, побегнете! Не можаше терпети на едином месте, и пробежа лядскую землю, гоним Божьим гневом, прибежа в пустыню межю ляхы и чехы – испроверже зле живот свой»¹⁵⁴.

По свидетельству народных сказок, бес, поселяясь в жен и дев, отымает у них ум, слух, зрение, повергает их в бешеное, иступленное состояние и заставляет испытывать самые мучительные страдания¹⁵⁵. В официальном показании шуян 1666 года читаем: «...то нам ведомо: Шуи посадку Яков Григорьев скорбел икотою и вне ума был весь и всячески от нечистого духа... а Василей Несмеянов скорбел от нападения нечистого духа, и его исцелила Пресвятая Богородица, как стал молебствовать. А про Иванову жену, Елизарьева сына Ожималова, Марфу, слышали мы от соседей, что она одержима была нечистым духом и ее исцелила Пресвятая Богородица в церкви на празднике своем – в литургию, в большой выход; и она ныне здрава стала, а скорбела трои сутки»¹⁵⁶.

В 1670 году шуяне подали новую сказку, в которой заявили: «...приезжают в Шую к чудотворному образу Пресвятой Богородицы смоленские, со многих городов и уездов, всяких чинов люди молиться, мужеский и женский и девич пол, и те иногородные люди привозят с собою различными скорб-

---

¹⁵⁴ П. С. Р. Л., I, 62–63.

¹⁵⁵ Н. Р. Ск., I, 9, 10 и с. 143, по 3-му изд.

¹⁵⁶ Описание гор. Шуи Борисова, 428–9.

ми одержимых от нечистых духов мужеский и женский и девич пол, и те скорбные люди... в Божественную службу мечтаются всякими кознодействы»¹⁵⁷. «Есть на Поморий (говорит рукописное житие Зосимы и Савватия) наволоок Унежма; в месте же том (был) человек некий именем Никон. Сему Никону случися болезнь тяжка зело. Два кудесника бысть в волости той, имуще прюнекую межу собой. Никону же тому случися промежу их свидетельствовати; единому из них угоди, а другого оскорби». Последний «зельне огорчися», и «яко же обычай им укоренился злокозненного действия, бевскою прелестию нача кудес бити – та же насылает беса на Никона»¹⁵⁸.

В повести о бесноватой жене Соломонии (XVII век) рассказывается, что однажды ей послышалось, «аки прииде некто ко храмину; она же возста от ложа своего и отверзи двери, и пахну ей в лице, и во уши, и во очи, аки некоторый вихор велий, и явися аки пламя некое огненно и сине... И бысть во всю ночь без сна; прииде на нее трясение и великий, лютый озноб, и в третий день она очюти у себе во утробе демона люта, терзающа утробу ее, и бысть в то время во исступлении ума от живущего в ней демона»¹⁵⁹.

И до сих пор простой народ думает, что все калеки, ослабленные и хворые изурочены колдунами и нечистою си-

---

¹⁵⁷ Описание гор. Шуи Борисова, 345, 425.

¹⁵⁸ Щапов., 43.

¹⁵⁹ Пам. стар. рус. лит-ры, I, 153.

люю¹⁶⁰; всякое телесное страдание и всякое тревожное чувство приписываются порче «недобрых людей», их завистливой мысли, оговору и сглазу и называются напускною тоскою; нервные болезни – кликушество, икота и падучая, – а равно грыжа, сухотка и колотье признаются поселянами за действие злых духов, насланных на человека на срок или навсегда мстительным колдуном. Сами больные, разделяя то же убеждение, выкрикивают во время припадков имена своих врагов, подозреваемых в наслании болезни, и обвиняют их в этом мнимом преступлении. Еще недавно, вследствие таких обвинений, производились судебные розыски. В Пинежском уездном суде хранится любопытное дело, решенное в 1815 году. Крестьянин Михайло Чухарев был обвинен в порче икотою своей двоюродной сестры Офимьи Лобановой, ту Офимью (сказано в прощении) теперь злой дух мучит. Чухарев показал на допросе, что действительно насылал порчу на свою двоюродную сестру, а научил его тому крестьянин Федор Крапивин.

Чара совершается так: снявши с себя шейный крест, должно нашептывать на соль: «пристаньте к человеку (имя-рек), скорби-икоты, трясите и мучьте его до скончания века; как будет сохнуть соль сия, так сохни тот человек. Отступите от меня, дьяволи, а приступите к нему». Наговорную следует бросить на дорогу или вообще на то место, которым должен проходить осужденный на икоту. Суд приговорил Чухарева

---

¹⁶⁰ Сахаров, I, 36.

к тридцати пяти ударам кнутом и к публичному церковному покаянию. Г. Максимов, сообщивший это дело в своей прекрасной книге «Год на Севере», слышал от ямщика рассказ о девке-икотнице, у которой сто бесов живот гложут!¹⁶¹

При таком взгляде на болезни весьма естественно было представлять их существами живыми, одушевленными. Клятвы различными недугами, доньше произносимые простолюдинами в пылу гнева или досады, были некогда действительными призывами злых демонов на врагов и обидчиков: «вбий ты тряся!», «хай тебе хиндя потрясе!», «щоб тебе родимец¹⁶² побив!» (великорус. «родимец ты возьми!»), «щоб на тебе причина (притка) вдарила!», «бодай тебе грець вимивав!», «щоб тебе лютъ турнула!», «щоб тебе лунь вхопила!»¹⁶³, «щоб его смуток (печаль, тоска) узяв!», «смутку би на ты темшй та чорнш упав!», «черт би тебе спик!», «черт би вбив (или: мучив) твого батька!»¹⁶⁴.

Следуя оборотам, употребительным в немецком языке, болезнь наталкивается, насакивает, нападает, хватает, осиливает – *sie stösst an, fällt an, übeffällt, überläuft, packt, greift an, überwältigt den menschen*; у нас говорят о тяжелой болезни,

---

¹⁶¹ Владим. Г. В. 1844, 53. Кавказские горы бешенство и бред приписывают влиянию нечистой силы. – Совр., 1854, XI, смесь, 2; подобные же верования встречаем у разных инородцев. – О. 3. 1830, ч. XLIII, 219; Вест. Р. Г. О. 1856, I, смесь, 28.

¹⁶² Паралич. – Обл. сл., 191.

¹⁶³ «Лунь его вхопив» – он околел. – Старосв. Банд., 387.

¹⁶⁴ Номис, 73.

что она с ног свалила¹⁶⁵.

Нечистая сила смерти и недугов изображается в народных преданиях вечно голодной и прожорливой; она с жадностью бросается на людей и животных и питается их кровью и мясом. По народному выражению, больной изнашивается¹⁶⁶: полнота и крепость его тела как бы поглощаются злобными демонами; напротив, исцелить, то есть восстановить здоровье, буквально означает сделать человека целым. За родство понятий смерти и голода свидетельствуют: гот. *svults* – *mors* и сканд *sultr* – *fames*, греч. *λιμός* – голод и *λοίμος* – моровая язва¹⁶⁷. О «черной смерти» летописец выражается: «...егда бо внидыше где в который род или в осподу (вар. в семью) болезнь лютая и смертное то жало, мряху бо сполу наборзе... (сравни: «божья ходит», «тяжкая пришла», «болезнь посетила»). Сана светлостью не умалена бывает Смерть¹⁶⁸, на всех бо вынизает многоядные свои зубы»¹⁶⁹.

Итак, моровой язве даются острые зубы и жало. То же представление соединяют с болезнями и сербы, как очевидно из их заклятий: «болест га јела!», «тако ме губа (проказа) не јела!», «тако ме живина (рак) не гризла!» (или: не драла!), «тако ме не јела губа до паса, а живина од паса!», «тако ме

---

¹⁶⁵ D. Myth., 1106.

¹⁶⁶ Износиться – похудеть. – Обл. сл., 74.

¹⁶⁷ D. Myth., 842.

¹⁶⁸ Т. е. она не взирает на сан.

¹⁶⁹ П. С. Р. Л., IV, 61.

помама (бешенство) не напала!»¹⁷⁰. Название грыжа (грызь = резь, ломота, ноющая острая боль) происходит от глагола грызу¹⁷¹. Сибиряки считают оспу за нечистого духа, который бродит по свету и питается мертвыми телами, а потому, желая умиловить его, нарочно убивают скотину¹⁷². В великорусских губерниях поселяне убеждены, что Оспа ходит с клювом и, ударяя им, пятнает человека щедринками¹⁷³; областные названия оспы – шадра и свороб; щадрийый, шадровитый – рябой, шадрина – рябинка, своробатый – шерохватый¹⁷⁴. В Олонецкой губернии заболевшего оспою приносят к другому, хворому тою же болезнью, и он отвешивает ему три поклона и произносит: «Прости меня Оспица, прости Афанасьевна, чем я пред тобою согрубил, чем провинился!»¹⁷⁵. Прощать в старинном языке употреблялось в значении выздороветь, исцелиться от болезни. Новые греки представляют Оспу мифической женщиной¹⁷⁶. Народное суеверие утверждает, что когда начинается болезнь, то следует не ложиться на постель, а стараться быть на ногах, чтобы она

---

¹⁷⁰ Срп. н. послов., 21, 298–9.

¹⁷¹ Толков. сл., I, 356.

¹⁷² Абев., 77–78.

¹⁷³ Послов. Даля, 430.

¹⁷⁴ Обл. сл., 200, 261.

¹⁷⁵ Обл. сл., 144.

¹⁷⁶ D. Myth., 1113.

не взяла силы и не одолела человека¹⁷⁷.

Нечистые духи, в своем древнейшем, языческом значении, были существа стихийные, демоны темных туч, опустошительных гроз, вихрей и выюг, то посылающие на поля и нивы безвременные ливни и град, то задерживающие в облачных горах животворную влагу дождя и карающие землю засухой; в том и другом случае они истребляют жатвы и лишают человека его насущной пищи. К разряду стихийных демонов причислялись нашими предками и болезни, как порождение тех же естественных причин – простуды, сырости, томительного зноя и вредных испарений, разносимых буйными ветрами, – и как обычные спутники неурожая, вслед за которыми в древности всегда шествовал мор. Atharva-Veда свидетельствует, что воспалительный недуг (такман) появляется тогда, когда жаркие лучи солнца воздействуют на болотистую почву = когда огонь иссушит воду.

Эпидемические, заразительные болезни слывут на Руси: поветрие (польск. powietrze), ветроносное язво¹⁷⁸ и мор; с последним названием родственны слова: обморок – болезненный припадок, мгла, туман, и обморочить. Летучая, или ветряная, оспа называется в Ярославской губернии «лопúха» – слово, означающее также снег, падающий большими хлопьями¹⁷⁹. У немцев болезнь лошадей и рогатого скота – der böse

---

¹⁷⁷ Рус. в св. посл., IV, 88.

¹⁷⁸ Библ. для Чт. 1848, IX, 51.

¹⁷⁹ Обл. сл., 105, 134, 141.

wind, в Швейцарии рожа – wolken, fl iegende wolke¹⁸⁰. По мнению народа, болезни посылаются по ветру или по воде: «с ветру пришло», «с воды приключилось». Колдун выходит на дорогу и выжидает, не подует ли попутный ветер в ту сторону, где живет обреченный на порчу. Выждавши, он берет с дороги горсть пыли или снегу (смотря по времени года) и бросает на ветер, причитывая: «...ослепи (запороши) у раба такого-то черные очи, раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тело тоньше луговой травы!»¹⁸¹.

Главные напускные болезни – икота и стрелы. Икотою называют на севере России припадки кликушества; икать во Псковской губернии – кричать, кликать¹⁸². Силою чародейного слова нечистый дух заклиняется на чье-нибудь имя; быстро летит он на крыльях ветра, и первый встречный, кто носит означенное имя, делается его жертвою. Иногда наговаривают икоту на камни или насекомых, и тот, кто запнется о такой камень или проглотит летучую мошку, подвергается истязаниям злого демона.

Стрелы (колотье) напускаются так: берется коровий рог, насыпается песком, дресвою, истолченным стеклом, и все это выдувается в отверстие рога, с заклятием на известное лицо. Ветер подхватывает песок, дресву и стекло, несет их на человека и производит в нем такое ощущение боли, как

---

¹⁸⁰ D. Myth., 1112, 1115.

¹⁸¹ Потебня, 80–81; Сахаров, I, 36.

¹⁸² Доп. обл. сл., 73.

будто вся внутренность его была наполнена острою пылью и режущими осколками¹⁸³. Эта чара и самое название болезни напоминают нам: с одной стороны, эпическое выражение Слова о полку о ветрах, веющих с моря стрелами, а с другой – то старинное олицетворение ветров, которое представляло их дующими в рога и трубы.

По свидетельству народных преданий, нечистые духи, купаясь в источниках, оскверняют воды и порождают различные недуги. Эти источники первоначально означали дождевые тучи, живительная влага которых иссушается знойным дыханием демонов – губителей земного плодородия; впоследствии же в них стали видеть обыкновенные омуты и болота, заражающие воздух своими тлетворными испарениями в жаркие месяцы лета. Немцы, чехи и лужичане думают, что во время солнечного затмения (собственно, перед началом грозы, когда солнце помрачается сгущенными тучами и воздух делается томительно-удушливым) нечистые духи пускают с неба яд и отравляют источники; поселяне закрывают тогда колодцы, не решаются брать из них воду для питья и не выгоняют скота в поле¹⁸⁴.

---

¹⁸³ Карман, книжка для любителей земледения, 315; Очерки Архангельской губ. Верещагина, 181–3; в крестоцеловальных записях читаем: «...ни ведовством по ветру никакого лиха не посылати».

¹⁸⁴ Beiträge zur D. Myth., I, 235; Громанн, 28; Neues Lausitz. Magazin 1843, III – IV, 337; см. также т. II Поэт. возвр., с. 282–3. То же представление о порче небесных вод распространялось и на тучи, окованные зимними стужами; чехи не купаются до Юрьева дня, потому что до этого срока вода бывает испорчена,

Германские племена приписывают болезни влиянию раздраженных эльфов: своим прикосновением и дыханием (дуновением) эльфы причиняют людям и домашним животным расслабление и смерть; кому нанесут они удар, тот теряет память и умственные способности, паралич называется *dveragslagr* (*zwergschlag*), слабоумие есть знак, что человека коснулась мстительная рука эльфа – *elbentrötsch* (*blödsinnig*, *geistesschwach*). По указанию народных саг, лица, попадающие к эльфам, редко возвращаются назад, а если кто и воротится – то наверно на всю жизнь останется полоумным: верование это совпадает с общераспространенным на Востоке, в Иудее и в средневековой Европе мнением, что бесноватые одержимы злыми духами, которые поселяются в них, как беспокойные, раздражительные мары (*poltergeister*) в жилище избранной семьи. Участие в танцах эльфов делает человека расслабленным.

Болезнь, известная в медицине под именем Виттовой пляски (*chorea sancti Viti*) и состоящая в судорожных, непроизвольных подергиваниях всех членов тела, названа так вследствие уподобления ее прихотливой пляске грозовых духов, сопутствующих Святовиту в его бурном шествии по воздушным пространствам. В Ирландии и Шотландии убеждены, что дуновение эльфов вызывает на теле желваки, чирья, вереды (греч. ἄλφος – пятна на коже, сыпь); в Норвегии болезнь воспалительного свойства называется *alvgust*, *alvild*

= elfenfeuer, ср.-сев. âlfabruni; она нападает на человека, как скоро он ступит на то место, где эльфы пролили воду или наплевали.

Белорусы не решаются ступать ни на след, остающийся на земле от ведра с водою, ни туда, где волк зарезал козла, где был заколот петух, где валялись лошади или собака скребла лапою; в противном случае неосторожный подвергается чешотке и тело его покрывается лишаями¹⁸⁵. Ведра указывают на те сосуды, из которых грозовые духи лили на землю дожди, а петух, козел, конь и собака – на их животные превращения.

В сагах эльфы плюют в глаза того, кто вздумает подсмотреть их игры, или дуют на него и тем самым ослепляют любопытного. Вообще советуют при всякой встрече с ними поспешно удаляться в сторону. Эльфы имеют при себе луки и стрелы (молнии); этими стрелами они убивают людей и животных или причиняют им тяжкие страдания. Ощущение, производимое болезнями, язык сближает с ударом острого оружия: лом («daz gegihte brach ir hend und füeze»), колотье (seitenstechen), резь, стрельба и проч. Эльфы могут умерщвлять человека даже своим сверкающим взором. Кто воспользуется от яств и напитков, для них назначенных, тот (по шотландской sage) будет наказан смертию. Лихорадочный озноб (трясца) и стеснение в груди во время сна (удушьё) приписываются их же злобе. Ирландский *phuka* пры-

---

¹⁸⁵ Нар. сл. раз., 151–3.

гает в вечернем сумраке на спину путнику и не оставляет его до тех пор, пока он не упадет обессиленный на землю. У средневековых поэтов эльф – злой дух, который взнуздывает сонного человека, ездит на нем, трясет его и таким образом доводит до совершенного истощения сил «*der alp zoumet dich*», «*der mar ritet dich*». Эльфы и мары (сканд и швед. тага, англ. nightmare, голл. naecht maer) сочетали в себе представление грозowych гениев с душами усопших; но так как душа уподоблялась бабочке и ее личинке (червяку) и так как самые эльфы произошли от червей (молний), то отсюда возникло верование, что alp, посылаемый колдунами, вылетает из их сросшихся бровей бабочкою, садится на грудь спящего человека и начинает давить его; это напоминает нам убийственные взоры вия, предающие все гибели, как скоро будут подняты его длинные брови и ресницы, то есть открытый взгляд молнии разит смертью (брови и ресницы – метафоры облаков).

В Швейцарии *toggeli* означает мотылька и эльфа; в старинных процессах о ведьмах злой дух – *der elbe* изображается прилетающим в виде бабочки; литов. *drugis* – бабочка и *fi ebervogel*, латт. *drudsis* – летучая моль и лихорадка; литов. *drugis* – *kreczia*, латт. *drudsis kratta* – трясет лихорадка. Жгучая опухоль под ногтем пальца называется *der wurm*. *der umlaufende wurm*; опухоль на руках и ногах, сопровождаемая нагноением, – *der haarwurm*, по-русски – волос или волосень и, по мнению наших крестьян, бывает от червя-волосатика;

одышка – herzwurm; собака впадает в бешенство от червя, который сидит у ней под языком; blasende wurm – болезнь лошадей.

Чехи убеждены, что каждый человек имеет в своем теле червя, от которого и зависит его жизнь; сверх того, они рассказывают о зловредных червях, из которых одни точат сердце, другие пьют кровь, а третьи пожирают принятую человеком пищу – предание, принадлежащее глубочайшей древности, ибо уже в Атарведе встречаем заговоры, направленные на убиение червя, который гнездится в голове, внутренностях или крестце больного¹⁸⁶. Итак, грызущая боль недугов сравнивается с подтачивающим тело червяком; входя внутрь человека, злой эльф принимает образ этого насекомого и начинает поедать мясо и пить кровь, почему поляки червей, причиняющих людям болезни, называют białe ludzie. Те же верования разделяли и греки, как видно из свидетельств языка: ἐπιάλης, ἐφιάλτης (aufspringer) – демонический дух, который давит по ночам и производит лихорадочное ощущение; ἡπιάλης, ἡπιόλης – эльф; ἡπίαλος, ἡπιόλος – лихорадка, озноб и удушье; ἡπίαλος означает также и бабочку¹⁸⁷.

Приведенные нами выше народные названия болезней, известные на Руси и у других славян, не оставляют ни малейшего сомнения, что в древности они признавались за суще-

---

¹⁸⁶ Обл. сл., 27; Громанн, 152–3.

¹⁸⁷ D. Myth., 429–430, 967–8, 1107–12, 1115; Irische elfenmarch, с. XIV, CII – CVIII; Beiträge zur D. Myth., II, 280.

ства демонические, подобные злым эльфам. Предание дает им Божий бич и стрелы и все телесные страдания рассматривает как следствие от удара или укола их оружия: болезнь – это Божья рана или язва, нанесенная рукою незримого духа, свидетельство его карающей силы и раздражения («Божья мочь», «Божий гнев»). Чтобы предать людской род болезням, Сатана истыкал перстом или, по другому варианту, древом (жезлом, палицею) тело первого человека; поселяне называют недуги притками, от глагола приткнуть – коснуться.

В устах народа употребительны клятвы: «Чтоб тебя родимец и трясца побили!», «Чтоб тебя притка ударила!», «Чтоб тебя язвило, пятнало, стреляло!»¹⁸⁸. Мы доселе говорим: разбит параличом, а в областных наречиях эту болезнь обозначают выражением: его прострелило¹⁸⁹. В грамоте царя Алексея Михайловича к боярину Морозову читаем: «...а про смертоносную язву не пишете, престала ли или нет... и которого числа дияка нашего Петра Стеншина прострелило?»¹⁹⁰. Сибирской язве дают названия змеиный пострел¹⁹¹; колотье и головная боль (мигрень) у чехов называются *strily*, у русских – стрелы; стреляет – чувствуется ко-

---

¹⁸⁸ Сын Отеч., 1840, т. V, 283; Обл. сл., 273.

¹⁸⁹ Доп. обл. сл., 220.

¹⁹⁰ Записки отд. рус. и славян, археолог., II, 725.

¹⁹¹ Толков. сл., прибавл. 5.

лотье; во Псковской губернии стрели цы – болезнь коров¹⁹². В первой песне «Илиады» поэт рассказывает, как разгневанный Аполлон взялся за серебряный лук и, пуская крылатые стрелы, наслал на ахейское войско моровую язву; тем же оружием поразил он и детей Ниобеи. Подобными стрелами обладала и богиня Артемида. Одиссей обращается к тени своей матери с вопросом: скончалась ли она медленно от тяжелой болезни или вдруг Артемида тихой стрелой ее поразила? В другом месте «Одиссеи» говорится о блаженной стране, где люди умирают не от старости и болезней:

Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой
нисходят
Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть
посылать им.

Это – быстрый удар паралича, разом, без долгих страданий пресекающий жизнь¹⁹³; сравни с русским преданием о добрых ангелах, мгновенно изъемлющих душу добродетельного человека, чтобы водворить ее в райских селениях. Когда ребенок страдает неизвестною болезнью, мечется и кричит по ночам, простолюдины кладут ему под голову – мальчику небольшой лук со стрелою, а девочке пряслицу, причитывая: «Щекотиха-будиха! вот тебе лучок (или пряслица),

---

¹⁹² Громанн, 160; Доп. обл. сл., 220.

¹⁹³ Одиссея, XI, 170; XV, 403 и дал.; Der Ursprung der Myth., 108.

играй, а младенца не буди»¹⁹⁴. О лесунках и русалках рассказывают, что они, завлекая путника, щекочут его до тех пор, пока не упадет он бездыханным; поэтому название болезни щекотихою намекает на связь ее с этими эльфическими девами: прилегая к ребенку, она щекочет (мучит) его и тем самым отымает у него сон.

Как все облачные (водяные) девы, русалки представлялись пряхами, приготавливающими туманные покровы, которыми они застилают небо, и потому пряслица точно так же указывает на стихийный характер демона-болезни, как и лук со стрелами. У чехов девица, захворавшая лихорадкой, должна трижды обежать пруд и, обегая, в первый раз бросить в воду кусок хлеба, во второй – веретено, а в третий – пачку льна; эти приношения задерживают лихорадку в ее подводном жилище, и она уже не приходит в обычное время мучить больную. Отсюда же объясняется обычай мерить больного ниткою, сжигать ее на огне, а оставшийся пепел разводить в воде и давать пить во время припадков¹⁹⁵.

Сербские вилы, сродные с нашими русалками и немецкими эльфами, причисляются к мифическим пряхам, мечут смертоносные стрелы, отравляют источники, повергают людей в тяжкие болезни и отымает у них разум. О лужицкой полуднице, принадлежащей к тому же разряду духов, рассказывают, что она является на поля допрашивать жен-

---

¹⁹⁴ Послов. Даля, 403.

¹⁹⁵ Громанн, 163, 178.

щин, как должно обрабатывать лен, и тем, которые не сумеют дать ей ответа, свертывает шеи; в средневековых памятниках *daemon meridianus* (у греческих писателей – *μεσημβρινός δαίμων*) – падучая болезнь; у чехов *polednice* – название недуга¹⁹⁶. Замечательно, что в нашем народе слово «полудновать» употребляется в значении: жить последние минуты перед смертью¹⁹⁷.

В песнях встречаем следующий оборот: «Мало Стафиде можется – едва душа в теле полуднует», «Дерется Добрыня с бабой-горынинкой, едва душа его в теле полуднует»¹⁹⁸. Рядом с полудницами в Архангельской губернии знают двенадцать сестер-полуночниц (мар), которые нападают ночью на детей и заставляют их кричать от боли¹⁹⁹. Припадки кликушества²⁰⁰ называются «игрец» – слово, которым обозначается и нечистый дух; это указывает на древнее воззрение, что бес, входя в человека, мучительно играет им. Соответственные выражения находим у чехов, которые об умершем говорят: «*Smrtka s mm pohrává*»²⁰¹, в Несторовой летописи: «... бес тобою (волхвом) играет на пагубу тебе»²⁰² и в русской

---

¹⁹⁶ D. Myth., 1114.

¹⁹⁷ Обл. сл., 168.

¹⁹⁸ Кирша Данилов, 365, 385.

¹⁹⁹ Пам. книжка Арханг. губ. на 1864 г., 17.

²⁰⁰ Кликуша = крикуша, крик и крич = клик и клич. – Обл. сл., 93.

²⁰¹ Гануш о Деде и Бабе, 63.

²⁰² П. С. Р. Л., I, 75.

поговорке «Чем черт не шутит!». Шут – дьявол, домовой, леший, шутик – злой дух, шутить – проказить, говоря о нечистой силе²⁰³.

По народному убеждению, все, что выкрикивают бесноватые и кликуши, внушает им поселившийся в их теле демон, и потому им приписывается способность предсказывать будущее²⁰⁴. Поверье это отразилось и в языке: блаже(и)ть – сходить с ума, блажной – привередливый, хворый, блаженный – юродивый, слабоумный, в бессмысленной болтовне которых искали встарь пророческих вещаний и самих их признавали за одержимых Божественным духом²⁰⁵. Так необходимо, так невольно смешивались и спутывались в нравственно-религиозных представлениях наших предков понятия тупоумия, болезненного расслабления и духовного предвидения, небесной кары и дара высших Откровений.

Помешательство, безумный бред, столбняк объясняются на Руси проказами леших; человек, которого обошел (овеял вихрем) леший, делается каженником (искаженным), теряет смысл и память²⁰⁶; белорусы думают, что тот, над кем пролетел злой дух лядащик, непременно сходит с ума. Наравне с эльфами, русалками и вилами олицетворенные недуги насе-

---

²⁰³ Обл. сл., 269.

²⁰⁴ Кликуши обыкновенно пророчат о гнев Божием и скором светопреставлении. – Иллюстр. 1845, 203.

²⁰⁵ Ю Вятск. Г. В. 1847, 42; О. 3., т. LVII, смесь, 49.

²⁰⁶ Сахаров, II, 4.

ляли воды и леса; чтобы избавиться от них, немцы и славяне шли к источникам или в густые, тенистые рощи и там совершали свои целебные обряды; особенно важную роль играли в этом случае деревья, растущие над водами: ива, верба, плакучая береза и др.

Чех, когда трясет его лихорадка, отправляется к вербе, склоняющей свои ветви над светлым потоком, и по окончании пароксизма привязывает к дереву какой-нибудь дар и быстро, без оглядки, бежит домой; или он отрезывает клочок своих волос и лоскут собственного платья, буравит в вербе отверстие, влагает в него приготовленные отрезки и заколачивает их глоговым клином Наши поселяне вешают на деревьях, в дар русалкам, холсты и нитки; от болезней они купаются в реках, прудах или источниках и оставляют на прибрежных кустах и деревьях полотенца и сорочки; нередко над головою болящего завязывают в лесу две березовые ветки, приговаривая: «Коли ты (болезнь) покинешь – отпущу, не покинешь – сама сгинешь!» Немцы завязывают от лихорадки три узла на ветвях ивы. Скважины в древесных стволах, сквозь которые протаскивают больных детей, называются в Швеции *elfenlöcher*. Чехи сотрясают на одержимых лихорадкою росу с ветвей вишневого и других деревьев.

По совершении этих обрядов, возвращаясь из лесу домой, не следует оглядываться назад и отвечать на призывный голос, иначе демон-мучитель узнает свою жертву и не прекра-

тит своих посещений²⁰⁷.

Ведьмам славянские предания приписывают ночную езду на людях, которых они оборачивают конями; вылетающая из них в виде бабочки душа (вещица) налегает на спящих страшную тяжестью.

По другим сказаниям, злой дух болезней и смерти – мора или мара (нижнелуж. *murawa*, польск. *zmora* – удушье, чешск. *mŕga* – эльф, ведьма и мотылек) – носит свою голову под мышкою и блуждает ночью под окнами изб, произнося имена хозяев и домочадцев: кто отзовется на голос маары – тот умрет; она садится на сонного человека и душит его; у женщин и коров она любит высасывать молоко²⁰⁸. Как шведы и датчане видят в марах души усопших, так, по мнению болгар, мура есть душа младенца, умершего без крещения, прилетающая ночью давить сонных²⁰⁹. С этими марами тождественны наши кикиморы (кошмары) и марухи – беспокойные домовые карлики, занимающиеся пряжею, и сам дед домовой, который давит мужиков и баб во время их крепкого сна.

По русскому поверью, всякий человек бывает одержим по ночам разными недугами, и если разбудить его прежде, чем окончатся начатые муки, то он наверно захворает тою болез-

---

²⁰⁷ Иллюстр. 1845, 566; Громанн, 164–5; D. Myth., 1118, 1123.

²⁰⁸ Маяк, VIII, 64; Этногр. сб., V, 71, 108 (о кашубах); *Volkslieder der Wenden*, II, 268; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 297.

²⁰⁹ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 210.

нею, какою был угнетаем во сне. Оттого крестьяне не решаются будить своих товарищей на утренней зоре²¹⁰. Летописец сообщает под 1092 годом любопытное свидетельство о бесах, поражавших смертью полочан: «...предивно бысть Полотьске: в мечте ны бываше, в нощи тутн станяше по улици, яко человеци рищюще беси; аще кто вылезяше из хоромины, хотя видети, абье уязвлен будяше (вар. бяше), невидимо от бесов язвою, и с того умираху, и не смяху излазити из хором. Посем же начаша в дне (вар. во дни) являтися на коних, и не бе их видети самех, но конь их видети копыта, и тако уязвляху люди полотьские и его (вар. их) область; тем и человеци глаголаху: яко навье (мертвецы) быють полочаны»²¹¹.

Итак, в этих смертоносных бесах, незримо рыскающих на конях, современники признавали существа эльфические, то есть души усопших, о которых немецкие саги рассказывают как о спутниках Одина в его воздушных поездах. В означенных верованиях кроется основа той лингвистической связи, какую замечаем в нижеследующих речениях: народ называет покойников родителями и употребляет это выражение безразлично, говорится ли об усопших предках или о преждевременно скончавшихся младенцах; в «Слове Даниила-заточника»²¹² и в некоторых церковнославянских рукописях под именем рода понимается дух, что вполне согласо-

---

²¹⁰ О. 3. 1848, V, смесь, 24.

²¹¹ П.С. Р. Л., I, 92.

²¹² «Дети бегают рода».

ется с областным употреблением этого слова: в Саратовской губернии рода означает вид, образ, а в Тульской – привидение, призрак; наконец, родимец – паралич²¹³. Вот живое свидетельство языка, что души покойников роднились у славян с теми стихийными духами, стрелы которых наносят человеку параличный удар, подобно тому как германские племена ту же самую болезнь приписывали влиянию эльфов, а этих последних отождествляли с тенями усопших.

Особенно интересны верования и предания, живущие в нашем народе, о лихорадках. Название это происходит от глагола лихо радеть, то есть действовать в чей-нибудь вред, заботиться о ком-нибудь со злым намерением, с лихо-стью; другие общеупотребительные названия: лиходейка и лихоманка от мануть – качать, махать (трясти); чеш. *manoyti se* – метаться; сравни: манование, помагаю, манья – привидение в виде старой и тщедушной женщины, манить – лгать, обманывать, лихован, лихоманщик – злой, обманчивый человек²¹⁴. Лихорадок девять или двенадцать крылатых сестер²¹⁵; они обитают в мрачных подземельях ада и представляются злыми и безобразными девами: чахлыми, заморенными, чувствующими всегдашний голод, иногда даже слепыми и безрукими. Одна из них, старшая, повелевает своими

---

²¹³ Памят. XII в., 236; Срезневский, 7; Обл. сл., 191.

²¹⁴ Обл. сл., 104, 110–1.

²¹⁵ Финны признают болезни родными братьями, сыновьями старухи *Launavator*. – D. Myth., 1113.

сестрами и посылает их на землю мучить людской род «тело жечь и знобить, белы кости крушить». Второго января мороз или зима выгоняет их, вместе с нечистой силою, из ада, и лихорадки ищут себе пристанища по теплым избам и нападают на «виноватых»; на зоре этого дня предусмотрительные старушки омывают наговорною водою притолки у дверей, дабы заградить вход в избу незваным гостям Поверье это обуславливается теми простудами и ознобами, которые так обыкновенны в холодную пору зимы.

Напротив, о весенних болезнях думают, что они запираются на зиму в снежные горы (ад) и сидят там до начала оттепелей; когда же солнце сгонит снег и отопреет землю, они вслед за вешними испарениями разбегаются по белому свету тощие, заморенные и с жадностью бросаются на неосторожных. Уже с 25 февраля, по замечанию поселян, опасно предаваться сну с раннего вечера: можно наспать лихорадку²¹⁶. Подобно Смерти и владыке демонов (Сатане), лихорадки сидят в подземных вертепах, заключенные в цепи, и вылетают мучить народ только тогда, когда будут сняты с них эти железные оковы²¹⁷, то есть весною.

В Калужской губернии рассказывают, что старшая и злейшая из сестер-лихорадок прикована к железному стулу двенадцатью цепями и в правой руке держит косу, как сама Смерть; если она сорвется с цепей и овладеет человеком, то

---

²¹⁶ Сахаров, II, 3–4, 14, 27; Рус. в св. посл., IV, 102–3.

²¹⁷ Этногр. сб., VI, 129.

он непременно умрет. То же предание у юго-западных славян прилагается к моровой язве: три сестры куги были заключены отцом своим – королем в тесные узы и томились в темнице, но впоследствии, будучи освобождены, разбрелись в разные стороны и доныне блуждают по свету²¹⁸. Сбрасывая с себя оковы, лихорадки прилетают на землю, вселяются в людей, начинают их трясти, расслаблять их суставы и ломить кости. Измучив одного, лихорадка переходит в другого; при полете своем она целует избранные жертвы, и от прикосновения ее уст человек немедленно заболевает; кому обмечет болезнь губы, о том говорят: «его поцеловала лихоманка»²¹⁹.

Точно так же порождает болезненные страдания и поцелуй эльбины²²⁰. По другим рассказам, лихорадка, прилетая ночью, называет спящих по имени; кто проснется и откликнется на ее зов, тот сейчас же захворает. Иногда она оборачивается соринкою или мухою, падает в изготовленную пищу и вместе с нею входит в утробу человека. Но если кто догадается бросить эту соринку или муху в печь, то лихорадка сгорит; а если вложить ее в яичную скорлупу и повесить в трубе – лихорадка будет страшно мучиться. В Тульской губернии уверяют, что шесть сестер уже погибли таким образом, а три и до сих пор рыщут по миру²²¹. В прежнее время, говорят че-

---

²¹⁸ Иличь, 302–3.

²¹⁹ Абев., 230–1.

²²⁰ *Irische eltenmärch.*, с. XII.

²²¹ Цебриков., 262; Тульск. Г. В. 1852, 27.

хи, было сто лихорадок, но одна из них сгилла: она заплзла в кусочек хлеба, намоченный в молоке, люди узнали ее присутствие, взяли тот кусочек, вложили в свиной пузырь и привязали к дереву. Заключенная в пузырь, лихорадка начала метаться во все стороны – точно так же, как делает каждая из них, входя внутрь человека, и долго-долго возилась она, пока совсем не задохлась²²². Сказания эти представляют не более как вариации мифа о Смерти, посаженной в торбу²²³. Боясь раздражить злобную, демоническую деву, простолюдин не всегда решится назвать лихорадку ее настоящим именем, а дает ей названия ласкательные, дружеские, с целью задобрить ее и отклонить от себя болезненные припадки; таковы названия: кума (кумаха), добруха, тетка (тятюха), подруга и дитюха (дитя). С тою же целью сербы во время моровой язвы называют ее кумою²²⁴, а немцы – *gevatterin*; вообще имена болезней принято в Германии заменять выражениями: *das gute, gesegnete, selige*²²⁵.

Временный роздых, даваемый больному перемежающей-

---

²²² Громанн, 162. Немецкая сага рассказывает, что одного бедняка давил по ночам эльф, а когда повесили в комнату зажженную свечу – оборачивался в соломинку или перо. Догадались сжечь эту соломинку, и мучительный эльф уже более не являлся.

²²³ Огонь очага – метафора грозового пламени; яичная скорлупа служит для эльфов и русалок кораблем, в котором плывут они на тот свет, свинья – зооморфический образ тучи.

²²⁴ Обл. сл., 47–48, 79, 88, 164, 228, 236; Срп. рјечник, 311.

²²⁵ D. Myth., 1106.

ся лихорадкою, народ объясняет тем, что у нее много дела и потому она переходит от одного человека к другому, возвращаясь к каждому из них поочередно – через день, через два или три дня²²⁶; некоторые же уверяют, что в дни, свободные от пароксизмов, она предается сну. Постоянную, ежедневную лихорадку малорусы называют «трясця-невсипуха». Отсюда суеверные попытки переводить лихорадку с себя на первого встречного, даже на птиц, кошек и собак, в которых так охотно вселяются нечистые духи, или обманывать ее ложною надписью на дверях избы, что больного нет дома. Так поступают русские и чехи; последние пишут на дверях: «zemnice! (лихорадка) nechod' k nam; Jenik (имя больного) není doma, šel na hory». В Смоленской губернии во время скотских падежей надписывают на воротах, что на дворе нет ни коров, ни овец, ни лошадей.

Сибиряки советуют больному чернить свое лицо и одеваться в чужое платье, чтобы не быть узнану злою лихоманкою, когда она вздумает повторить свое посещение²²⁷. Сверх того, чтобы избавиться от лихорадки, ее умилоствуют приношениями или прогоняют силою чародейного слова. Страждущие этим недугом выходят на то место, где, по их соображению, вселилась в них лихоманка, обсыпают вокруг себя ячневою крупкою и, раскланиваясь на все стороны, произносят: «Прости, сторона – мать сыра земля! Вот тебе

---

²²⁶ Houska, II, 535.

²²⁷ Громанн, 167; Терещ., VI, 16; Абев., 230.

крупниц на кашу; вот и тебе, кумаха!»²²⁸. Обращение к земле знаменательно, так как в ее недрах заключен тот страшный мир, где царствует Смерть со своими помощницами – болезнями и пленниками – мертвецами. Белорусы на поминки («дзяды»), вместе с усопшими родичами, приглашают к ужину и лихорадку²²⁹.

Первобытная народная медицина состояла в произнесении молитв и заклятий, в призыве богов-исцелителей, в изгнании демонов и в совершении различных символических и жертвенных обрядов; она была делом исключительно религиозным. Древнейшие имена лекаря означают жертвоприносителя, заклинателя, колдуна; искусство врачебное ограничивалось знанием клятвенных формул или заговоров. За это свидетельствуют Atharva-Веда, Гомер, Пиндар и другие античные писатели²³⁰; за это же говорят и многочисленные предания и обломки стародавних заклятий, донные сохраняемые в памяти индоевропейских народов. В высшей степени важным и драгоценным представляется нам заговор против лихорадок, занесенный во многие из наших старинных рукописей и до настоящего времени еще не забытый русскими знахарями²³¹:

---

²²⁸ Сахаров, II, 14.

²²⁹ Могилев. Г. В., 1849, 8.

²³⁰ Громанн, 147–8. Сыновья Автолика останавливают кровь, текущую из ран Одиссея, и Асклепиос освобождает больных от мучительных страданий силою целебных заговоров.

²³¹ Я предлагаю сводный, по разным спискам исправленный текст.

«При море черном стоит столп, на том столпе камень, на том камне сидит святой отец²³² Сисиний и зрит на море черное. И возмутися море до облак²³³ – изыдоша из моря двенадцать жен простоволосых²³⁴, окаянное дьявольское видение». По некоторым спискам, жены эти исходят из огненного столпа, утвержденного на небеси. «И вопросиша их святой отец Сисиний: что есть злые жены зверообразны? Они же отвеща ему: мы – окаянные трясовицы, дочери Ирода, снявшего с Иоанна Предтечи главу. Вопроси святой отец Сисиний: почто пришли? – Идем в землю святорусскую род человеческий мучити – тело повреждати, кости ломати, в гроб вгоняти (или: кости крушить, жилы тянуть, самих людей огнем жечи); аще кто зло творит, опивается, объедается, обедни и заутрени просыпает, Богу не молится, тех мучим разными муками: они наши угодницы. Помолися Богу, святой отец Сисиний: Господи! избави род христианский от таких диаволов И посла Господь Михаила-архангела²³⁵ и четырех евангелистов, повеле их (трясовиц) мучити тремя (или семью) прутьями²³⁶ железными, давая им по триста²³⁷ ран на

---

²³² Вар. «мученик, великий апостол».

²³³ Вар. «видеша: на море восстали волны и возмутишася море и земля до небеси».

²³⁴ Вар. «сами черны, власы по пояс».

²³⁵ Вар. «ангела Сихаила».

²³⁶ Вар. «четырьмя дубцами».

²³⁷ Вар. «по три тысячи».

день». Имена архангела Михаила и святых угодников нередко заменяются и дополняются другими; в одном списке семь святителей, и между ними Егорий Храбрый, Иоанн Креститель и святой Николай увидели двенадцать лихоманок, плавающих по морю и воздымающих бурю²³⁸. «Они же начаша молитися: святой отец Сисиний, Михаил-архангел, четыре евангелиста: Лука, Марко, Матфей, Иоанн! не мучьте нас; где мы заслышим, в котором роду прославятся ваши имена, и того роду станем бегать за десять верст²³⁹. И вопросы их святой отец Сисиний: как вам, диаволи, имена?»

Лихорадки исчисляют свои названия и описывают те муки, которыми каждая из них терзает больного. Вот эти названия.

1. Трясея (тресучка, трясунца, в областных говорах: потресуха, трясучка, трясца от глагола трясти²⁴⁰), в старинных поучительных словах XV – XVI столетий упоминается про «немошного беса, глаголемого трясцю»²⁴¹; сравни немецкое выражение: «dass dich der ritt (лихорадка)²⁴² schiitte!»²⁴³.

2. Огнея или огненная: «...кого человека поймаю (гово-

---

²³⁸ Вар. «Мешаяй воду с песком».

²³⁹ Вар. «за три дня, за три поприща».

²⁴⁰ Обл. сл, 207, 232–3.

²⁴¹ Архив ист.-юр. свед., II, пол. I, с. XXVII; пол. II, 48–49, в отделе смеси; Правосл. Собес. 1859, IV, 475.

²⁴² От reiten, ибо она ездит на человеке, как мара.

²⁴³ D. Myth., 1107.

рит она о себе), тот разгорится аки пламень в печи», то есть она производит внутренний жар. В Швейцарии лихорадку называют *hitzubrand*; англосакс. *âdl* – жгучая болезнь от *âd* – *ignis*; персы олицетворяют ее румяною девою с огненными волосами²⁴⁴. Южнославянское название «грозница» ставит лихорадку в связь с грозовым пламенем, с молниеносными стрелами²⁴⁵.

3. Ледея (ледиха) или озноба (знобея, забуха): аки лед знобит род человеческий, и кого она мучит, тот не может и в печи согреться; в областных наречиях даются лихорадке названия: студенка (от студа, то есть стужа), знобуха и подрожье (от слова «дрожь»), а у чехов – зимница²⁴⁶.

4. Гнетя (гнетница, гнетуха, гнетучка от слова «гнет»; гнести – давить): она ложится у человека на ребра, гнетет его утробу, лишает аппетита и производит рвоту.

5. Грынуша или грудица (грудея) – ложится на груди, у сердца, и причиняет хрипоту и харканье.

6. Глухья (глохня) – налегает на голову, ломит ее и закладывает уши, отчего больной глохнет.

7. Ломея (ломеня, ломовая) или костоломка: «аки сильная буря древо ломит, такоже и она ломает кости и спину».

8. Пухнея (пухля, пухлая), дутыха или отекая – пущает по всему телу отек (опухоль).

---

²⁴⁴ D. Myth., 1106–8.

²⁴⁵ О. 3. 1853, VIII, иностр. лит., 80.

²⁴⁶ Обл. сл., 180, 218, 322.

9. Желтея (желтуха, желтуница): эта желтит человека, «аки цвет в поле».

10. Коркуша или корчя (скорчя) – ручные и ножные жи-лы сводит, т. е. корчит.

11. Глядея – не дает спать больному (не позволяет ему сомкнуть очи, откуда объясняется и данное ей имя); вместе с нею приступают к человеку бесы и сводят его с ума.

12. Огнястра и неве; есть испорченное старое слово «на-ва» – смерть или «навье» – мертвец, что служит новым под-тверждением мифической связи демонов-болезней с теня-ми усопших. Невея (мертвящая) – всем лихорадкам сестра старейшая, плясавица, ради которой отсечена была голова Иоанну Предтече; она всех проклятее, и если вселится в че-ловека – он уже не избегнет смерти.

В замену этих имен ставят еще следующие: сухота (су-хья), от которой иссыхает больной, аки древо, зевота, бле-вота, потягота, сонная, бледная, легкая, вешняя, листопад-ная (то есть осенняя), водяная и синяя (старинный эпитет огня и молнии). Ясно, что с лихорадками народ соединяет более широкое понятие, нежели какое признает за ними уче-ная медицина; к разряду этих мифических сестер он относит и другие недуги, как, например, горячку, сухотку, разлитие желчи и проч. – знак, что в древнейшую эпоху имя «лихо-радка», согласно с буквальным его значением, прилагалось ко всякой вообще болезни.

Тождество внешних признаков и ощущений, порождает

мых различными недугами, заставляло давать им одинаковые или сходные по корню названия и таким образом смешивать их в одно общее представление злых, демонических сил; сравни: огня – лихорадка и горячка, называемая в простонародье огневицею и палячкою; в некоторых местностях России вместо сестер-трясовиц рассказывают о двенадцати безобразных старухах – горячках; огники – красная сыпь по телу, золотуха – в областных говорах огника (огница) и красуха, изжога – боль под ложечкой; у немцев корь – *rötheln*, рожа – *rose*, *rothlauf*. Эпитеты: красный, желтый, золотой – исстари служили для обозначения огня, и в заговорах лихорадка называется не только желтухою, но и златеницею. Сухота – имя, свидетельствующее о внутреннем жаре, сближает одну из лихорадок с сухоткою; у сербов суха болеет, сушица – *dörrsucht*²⁴⁷; белорусы называют чахотку – сухоты. Вслед за приведенным нами сказанием о встрече отца Сисиния с лихорадками предлагается самое заклятие: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, окаянные трясовицы! заклинаю вас святым отцом Сисинием, Михаилом-архангелом и четырьмя евангелистами: побегите от раба Божия (имярек) за три дня, за три поприща; аще не побежите от раба Божия, то призову на вас великого апостола Сисиния, Михаила-архангела и четырех евангелистов: Луку, Марка, Матфея, Иоанна, и учнут вас мучити, даючи вам по триста²⁴⁸ ран на день». К этой

---

²⁴⁷ Срп. рјечник, 727.

²⁴⁸ Вар. «по три тысячи».

угрозе иные списки прибавляют, куда именно должны удалиться злобные жены: «...подите вы в темные леса, на гнилые колоды» или «в места пусты и безводны». Заговор должен быть прочитан священником, и затем больному дают испить воды со креста, произнося следующие слова: «крест – христианам хранитель, крест – ангелам слава, крест – царям держава, крест – недугам, бесам и трясовицам прогонитель, крест – рабу Божию (имярек) ограждение!»²⁴⁹.

Для сравнения приводим текст заговора, записанный в сборнике Сахарова: «На горах Афонских стоит дуб мокрецкий, под тем дубом сидят тридесять старцев со старцем Пафнутием. Идут к ним двенадесять девиц простоволосых, простопоясых. И рече старец Пафнутий с тремянадесять старцами: кто сии к нам идоша? И рече (рекут) ему двенадесять девицы: есмь мы царя Ирода дщери, идем на весь мир кости знобить, тело мучить. И рече старец Пафнутий своим старцам: сломите по три прута, тем станем их бити по три зори утренних, по три зори вечерних. Взмолишась двенадесять дев к тринадесять старцам со старцем Пафнутием, и не почто же бысть их мольба! И начаша их старцы бити, глаголя: ой вы еси двенадесять девиц! будьте вы трясоницы, водяницы... расслабленные и живите на воде-студенице, в мир не ходите, кости не знобите, тела не мучьте... Заговариваю я

---

²⁴⁹ Речь г. Буслаева о нар. поэзии в древней рус. лит-ре, 38–39; Вест. Р. Г. О. 1859, VIII, 153–5. Пермск. сб., II, прил., с. XXX, VI – VII; Пам. отреч. лит-ры, II, 351–3; Библ. для Чт. 1848, IX, ст. Гуляева, 51–52; Лет. рус. лит-ры, т. IV, отд. 3, 79–80; Архив ист.-юр. свед., II, в отд. смеси, 56–57.

раба Божьего (такого-то) от иссушения лихорадки. Будьте вы прокляты, двенадесять девиц, в тартарары, отыдите от раба Божьего (имярек) в леса темные, на древа сухие». В других заговорах злые недуги с принедугами и полунедугами отсылаются в «окиан-море», в бездны преисподние, в котлы кипучие, в жар палючий, в серу горючую, во тьму кромешную, то есть в ад. Колочку грозит заклинатель заключить в недра земли, свербеж утопить в горячей воде, стрельбу залить кипучей смолою, огневицу заморозить крещенскими морозами, ломотье сокрушить о камень и так далее²⁵⁰.

Малороссийские заговоры гонят лихоманок и другие болезни в дебри, болота и пустыни безлюдные: «Вам, уроки, у раба Божого не стояты, жовтой кости не ломаты, червоной крови не пыты, сердца его не нудыты, билото тила не сушиты; вам идты на мха, на темные луга, на густые очерета, на сухие лиса!»; «Пидить соби, уроки, на яры, на лиса дремучи, на степы степучи, де глас чоловичый не заходыть, да пивни не спивають»; «Чи ти гнетуха, чи ти трясуха, чи ти водяна, чи ти витрова, чи ти вихрова... буду я тобі лице заливати, буду тобі очи выпикати, буду тебе молитвами заклінати, буду с христьянської вири висилати. Пиди соби, де собаки не брешуть, де кури не поють, де христьянський голос не ходе»²⁵¹.

---

²⁵⁰ Сахаров, I, 24–25, 28–31.

²⁵¹ Полтав. Г. В. 1846, 38; Пассек, II, смесь, 20; Пам. стар. рус. лит-ры, III, 167–8. «Поди ты (горловая жаба) на дуб – на сухое дерево, на котором нет отраслей отныне и до веку».

Чешское заклятие XIII века посылает нечистую силу (siemé proklate) в пустыни – «па púšči jděte, anikomu neškod'te». В настоящее время чехи прибегают к таким формулам «Já vyháním oubutě (сухотку) z tvého tela do moře – vodu přelévati a pisek přesejpati, kosti nelámati a žily neškubati, a krev necucati a maso netrhati, a přirozenimu pokoj dāti»; «Letěly tři střelci, zastavili jsou se v mé hlavě, v mých uších, v mych zubech, a já je zaklinám» во имя Отца и Сына и Святого Духа: если вы с ветру – идите на ветер и ломайте деревья в густых борах, если с воды – ступайте на воду и крутите песок в самых глубоких местах, если со скал – идите в скалы и ломайте камни, а мне, моей голове, ушам и зубам дайте покой: «Zaklinám vás, pakostnice – růžovnice, kostnice²⁵² do lesa hlubokého, do dubu vysokeho, do dřeva stojatého i ležatého; tam sebou mlat'te a tříскеjte, a této osobě pokoj dejte... Jsi li z ouroku, jdi do ohně; jsi li z vody, jdi do moře; v moři važ vody, počítej pisek» (в море исчерпай воду, сочти песок).

Подобные же заклятия обращают немцы к эльфам; по их мнению, те деревья засыхают, на которые будет передана болезнь. Индийский врач гнал лихорадку в лес и горы; повинуюсь вещему слову, водные духи (апсарасы) должны были удаляться в глубокие источники и в деревья²⁵³. Заговор на изгнание лихорадок, обращенный к святому Сисинию, упоми-

---

²⁵² Рожа и лом в костях.

²⁵³ Громанн, 149–150, 158–161, 177, 185; D. Myth., 1122–3. Финская песня закликает чуму сокрыться в твердые, как сталь, горы.

нается уже в статье «о книгах истинных и ложных»; большая часть списков этой статьи принадлежит XVI и XVII столетиям, а древнейшая ее редакция, какая известна ныне, найдена в номоканоне XIV века. Здесь читаем: «Вопросы Иеремиа к Богородице о недуге естественем и еже именуют трясовици – басни суть Иеремиа, попа болгарского; глаголеть бо окаянный сей, яко седящу святому Сисинею на горе Синайской – и виде седмь жен исходящи от моря, и ангела Михаила именует, и иная изыдоша седмь ангел, седмь свещ держаще, седмь ножев острящи, еже на соблазн людем многим, и седмь дщерий Иродовых трясами басньствоваше, сих же ни евангелисты, ни един от святых – седми именоваша, но едина, испросившаа главу Предотечеву, о ней же яве есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова»²⁵⁴. Это свидетельствует о южнославянском происхождении заговора; вместе с памятниками болгарской письменности проникло к нам и заклятие против лихорадок, составление которого приписывается попу Иеремию.

Как множество других апокрифических сказаний, так и заклятие Иеремию создалось под непосредственным влиянием древнеязыческих воззрений, общих болгарам со всеми прочими славянскими племенами, и этот-то национальный характер представлений, занесенных в отреченную молитву, доставил ей легкий доступ в массы русского населения. Несмотря на христианскую примесь, в ней весьма явственны

---

²⁵⁴ Летоп. занятий Археограф. ком. 1861, 1, 25–27, 39–40.

черты так называемой естественной религии (религии природы). Святые и ангелы, наказующие жен-лихорадок прутьями и ножами, очевидно, заступили место древнего громовника и его спутников, которые разят нечистую силу молниями, или, выражаясь поэтическим языком, бичами, прутьями, палицами, секирами и другим острым оружием; потому они восседают на каменном столбе, то есть в грозовом облаке, ибо камень (скала) и столб (башня) – метафоры облаков.

Из различных воззрений на природу рождались и различные мифические представления: бессмертные владыки, то помрачающие небо тучами, посылающие град, стужу и бури, то разгоняющие демонов мрака и дарующие светлые дни, являлись народному воображению не только грозными карателями людей и животных, метателями моровых стрел, но и богами-спасителями (δωτήρες), силою которых прогоняются злые недуги. Так, Индра исцеляет от кожных болезней и червей, а Тунар гонит из тела wūrmer, то есть мучительных эльфов²⁵⁵. Сестры-лихорадки отождествляются в заговоре с теми стихийными демонами, с которыми обыкновенно сражался Перун: они исходят из (дождевого) моря или огненного столба (грозовой тучи), воздымают страшную бурю и разбегаются только от ударов (молниеносных) прутьев. «Простоволосые» и «простопопьясы», то есть с длинны-

---

²⁵⁵ German. Mythen, 134–5. В русском заговоре Христос «громом отбивает, молоньей ожигает и стрелами отстреливает» всякие уроки и недуги. – Рыбник., IV, 255.

ми распушенными косами и в легких, свободно развевающихся по ветру (неподпоясанных) одеждах, они напоминают этими признаками облачных жен и дев; сверх того, им даются и крылья – эмблема быстрого полета облаков и вихрей.

В стремительных вихрях предки наши усматривали пляску духов и нимф, и в эпоху христианскую представление это было перенесено на Иродиаду, которая славилась некогда своими искусными танцами. Такое смешение тем более понятно, что сам демонический змей (Сатана) называется в народных сказках Иродом²⁵⁶. В связи с этим девы воспаляющих и знобящих болезней были признаны дочерьми Ирода и старшая из них стала обозначаться именем плясовицы. По чешскому поверью, лихорадки живут в прудах и колодцах, и потому бывает время, когда никто не решается пить оттуда воду. Заболевший лихорадкою идет перед восходом солнца к колодцу и причитывает: «*Studně-studnice! nechod' na mne zimnice; Maria-panna záповиdá, abys na mne nechodila*»²⁵⁷.

В Орловской губернии больного купают в отваре липового цвета, а снятую с него рубаху он должен ранним утром отнести к реке, бросить ее в воду и промолвить: «Матушка-ворогуша! на тебе рубашку с раба Божьего (имярек), а ты от меня откачнись прочь!» Затем он возвращается домой молча и не

---

²⁵⁶ См. Поэт. воз., II, 7–9. В преданиях Средних веков Гольда встречается под именами Иродиады и Дианы (D. Myth., 263), и этой последней приписывались припадки падучей.

²⁵⁷ Громанн, 163.

оглядываясь. Согласно со стихийною природою жен-лихорадок, они прогоняются в океан-море (небо), в студенцы и болота (дождевые источники), в скалы и горы (тучи), в камыши и деревья (небесные рощи), в огонь и ветры – словом, в жилища водяных, леших, эльфов и нечистых духов. Несмотря на запрет статьи о книгах истинных и ложных, в самой иконописи до конца XVII века было распространено изображение двенадцати трясовиц; они представлялись в виде женщин и нередко обнаженные, с крыльями летучей мыши, так как эта последняя служила символом ночи.

Отличительный характер каждой из них живопись обозначала разными красками: одна лихорадка – вся белая, другие – желтая, красная, синяя, зеленая (лесная) и т. д. В XVII веке, при значительных успехах техники, эти женские фигуры отличаются даже некоторым благообразием. Наверху, в облаках, видны ангелы, и между ними один, который направляет на трясовиц копьё и хочет низвергнуть их в отверстую пропасть, а на пригорке – коленопреклоненный и молящийся святой Сисиний²⁵⁸. Чехи противопоставляют демонам-болезням Христа и святую Аполене. Встречает Христос psotnika (спазмы и конвульсии) и спрашивает: «Kam ty jdeš, psotmku? – Ja jdu do života té a té osoby – maso jisti, krev piti, žily táhati, kosti lámati, chut'k jidlu a k piti bráti, a spani mu odjímati». Христос приказывает болезни выступить из человека, не мучить его ни днем, ни ночью и удалиться в тем-

---

²⁵⁸ Речь г. Буслаева о нар. поэзии в др. рус. литер., 40.

ные леса. Или: chodili střelci-střelice po horach, po krajínach; повстречали святую Аполену, и на вопрос ее: куда идете? – отвечали: идем к такому-то человеку мозг ести, кровь пити, мясо драти, кости ломати. И рекла им Аполена: воротитесь и дайте человеку покой²⁵⁹. Подобные же заклѣтия известны и между другими народами.

Якоб Гримм приводит заговор, в котором упоминаются семьдесят семь nöschen (под именем nösch разумеется бес падучей болезни). «Wir wend gohn in das haus des c menschen, – говорят они про свои подвиги, – und torn sein blut saugen, und sein bein nagen, und sein fl eisch essen». Ду-хи эти изгоняются в сухое дерево: «...ich gebeut dir nösch mit alien deinen gesellen, dann mit dir ist der stech (колотье) und der krampf (спазмы) und gespat und geschoss (стрельба) und geicht (лом) und gesicht (сглаз, изуроченье)...»²⁶⁰. Грузины произносят следующий заговор против чесотки: «Гой ты, jelo-jelo (едучий), юродивый, бесприютный! откуда исхо-дишь ты и куда входишь? – Исхожу я из черной скалы, вхожу в тело человека, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. – Нет, не позволю тебе войти в человека; раздроблю тебя на мелкие части, брошу в медный котел, раскалю его огнем и жупелом серным. Удались, отвяжись от раба Божьего (имя-рек). Аминь»²⁶¹.

---

²⁵⁹ Чешские песни Эрбена, 507–9; Громанн, 162, 175–6.

²⁶⁰ D. Myth., 1110.

²⁶¹ Москв., 1852, XIX, соврем, извест., 98.

Наряду с заклѣтиями, обращенными на трясовиц, индекс запретных книг осуждает также и «лживые врачевальныя молитвы о нежитех»²⁶². В одной пергаменной сербской рукописи записано пять заговоров против нежита, или нежитя; из них два были сообщены г. Буслаевым.

а. «Сходещю нежиту от сухого (огненного) мора(я) и сходещу Иисусу от небесе, и рече ему Иисус: камо идеши, нежите? Рече ему нежить: семо иду, господине, в чльвечю главу мозга сръчати, челюсти преломити, зубы их ронити, шие их кривити и уши их оглушити, очи их ослепити, носа гугьнати, крове их пролияти, века их исушити, устьнь ихъ кривити и удовъ ихъ раслаблати, жиль ихъ умртвити, тела изъмьждати, лепоту их изменити, бесом мучити е. И рече ему Иисус: обратисе, нежите! иди в пустую гору и в пустыну, обрети ту ельну главу и въселисе в ню, ть бо все тръпить и все страждеть... иди в камене, ть бо все тръпить – зиму и зной и всеко плодство, ть бо о(т)твари жестокъ есть, в себе дръжати те сильнь есть. Нежить! да ту имей жилище, доньдеже небо и земля мимоидеть и кончаетьсе; отниди от раба Божия (имярек)».

---

²⁶² Иоанн, экзарх Болг., 210; Летоп. занятый Археограф. ком. 1861, 39–40: «и о нежитех, сиречь из пустыня исходят... то все поп Иеремиа изглаголат».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.